

НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС — НЗ
КНИГА ВТОРАЯ

НОРМА ПОТЕРЬ

ОЛЕГ ЗАЙЦЕВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Зайцев

**Норма потерь. Цикл
Неприкосновенный запас - НЗ**

«Автор»

2026

Зайцев О. В.

Норма потерь. Цикл Неприкосновенный запас - НЗ /
О. В. Зайцев — «Автор», 2026

Затвор выжил. Но теперь мир требует расплаты. Система НЗ обещает людям невозможное: еду, лекарства, тепло и порядок. Цена кажется разумной — всего лишь «норма потерь», заранее рассчитанная смерть тех, кого признали допустимым расходом. Илья Горин умеет определять срок годности продуктов. Теперь ему предстоит проверить срок годности самой человечности. Вместе с Верой, Таей, Кочетом и Лидой он отправляется к НЗ-1 — туда, где подпись важнее человеческой жизни, память можно исправить, а несогласие считается неисправностью. Вторая книга цикла «Неприкосновенный запас — НЗ» поднимает ставки: выживание больше не зависит от силы или меткости. Оно зависит от того, сколько чужих смертей ты готов принять, чтобы твои близкие дожили до утра.

© Зайцев О. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. В пределах нормы	5
Глава 2. Путевой лист	22
Глава 3. Контрольная группа	40
Глава 4. Плановый отход	59
Глава 5. К-28	78
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Олег Зайцев

Норма потерь. Цикл

Неприкосновенный запас - НЗ

Глава 1. В пределах нормы

Сто двадцать две банки — это не изобилие.

Это две лишние банки.

Разница кажется небольшой, пока не знаешь Мотю.

Я поставил обе на весы. Первая потянула на четыреста восемь граммов. Вторая — на четыреста одиннадцать. На крышках стояла дата изготовления, номер смены и печать общей лаборатории. Печать была чуть кривой: матрицу держало Заречье, рукоять — Управа, а чернила караванщики разводили так, будто каждую каплю выжимали из собственного сердца.

На самом деле из сажи и рыбьего жира.

Сердце вышло бы дешевле.

— Норма четыреста, — сказал Мотя.

Он стоял через стол и старательно не смотрел на весы. Левая рука висела на перевязи. Правой он держал медную гайку. Зачем принёс гайку на проверку консервов, я не спрашивал. Мотя всегда носил с собой деталь, которую собирался поставить туда, где без неё всё работало.

— Норма содержимого четыреста, — ответил я. — Плюс тара.

— Так я с тарой.

— Вижу.

— Значит, правильно.

— Вчера банка весила четыреста девяносто два.

Мотя посмотрел на потолок лаборатории. На потолке ничего полезного не было, кроме копоти и трещины. Но они не задавали вопросов.

— Жесть разная, — сказал он.

— Жесть из одного рулона.

— Крышка могла попасться лёгкая.

— На восемьдесят граммов?

— Очень лёгкая.

Я взял консервный нож.

Мотя перестал изучать потолок.

— Илья Сергеевич, может, не надо?

— Теперь точно надо.

— Они хорошие.

— Откуда знаешь?

— Я делал.

— Поэтому и проверяю.

Первая крышка вскрылась с тихим вздохом. Нормальным. Давление внутри банки должно быть ниже наружного; воздух входит, а не содержимое вылезает знакомиться. Масса пахла дрожжами, гороховой мукой и железом. Цвет серый. Консистенция такая, какую обычно получают, если долго объяснять каше её служебные обязанности.

Я отобрал пробу стеклянной палочкой.

— Не отравлена, — сказал Мотя.

— Это станет ясно через двое суток.

— Люди уже едят.

— Поэтому станет ясно быстрее.

Он обиделся. Молча. У Моти всё получалось громко, кроме обиды.

Я выложил содержимое на тарелку. В середине обнаружилась пустота. Не большая — с грецкий орех. Стенки гладкие, будто массу заполняли вокруг какого-то предмета, потом предмет вынули.

Вскрыл вторую.

То же самое.

— Что ты подкрутил?

— Ничего.

— Тогда откручу всё.

— Только ограничитель объёма.

— Зачем?

Мотя положил гайку на стол.

— После ста двадцатой в подающей трубе остаётся масса. Раньше её возвращали в чан. Я поднял подачу и на двух последних банках поставил сердечник: масса ложится вокруг, пар выходит через трубку, потом сердечник поднимается. С виду банка полная, а из остатков получаются ещё две.

— Она не полная.

— По объёму полная.

— Люди едят не объём.

— Две банки всё равно лишние.

— В них недовес сто шестьдесят граммов. В сумме.

— Но банки две.

Я посмотрел на него.

Мотя смотрел честно. Это было хуже. Обман можно исправить наказанием, честнуюглупость — только образованием, а оно медленнее пищевой линии.

— Если разделить сто двадцать порций на сто двадцать две банки, еды больше не станет, — сказал я.

— Зато двум людям достанется.

— А ста двадцати достанется меньше.

— На ложку.

— Сегодня на ложку. Завтра ты уменьшишь банку, чтобы сделать ещё одну. Потом воду назовёшь продуктом. Потом Рада напечатает отчёт, где никто не голодал, потому что все получили по таре.

— Я отчёты не печатаю.

— Поэтому начинаешь с банок.

Он взял гайку и сунул в карман.

— Снять сердечник?

— Снять. Подачу вернуть. Всю партию 3-Б задержать до вечерней пробы.

— Их ждут.

— Пусть.

— Дети.

Это слово он произнёс без нажима. Просто сообщил. За дверью действительно ждали дети. Они приходили к линии раньше колокола и сидели вдоль стены, потому что там было тепло. Самые младшие ещё не понимали, что выдача начинается в полдень. Старшие понимали и всё равно приходили.

Я соскоблил пробу в колбу.

— Если сегодня отдадим неправильное, завтра им ждать будет нечего.

— А если правильного не хватит сегодня?

— Тогда не хватит.

Мотя нахмурился.

— Очень удобная профессия у вас. Всегда можно сказать «не годно».

— У тебя удобнее. Всегда можно подкрутить.

Он вышел, осторожно прикрыв дверь. Раньше хлопнул бы. Раненая рука воспитывала лучше меня.

Я записал результат в журнал:

ПАРТИЯ 3-Б. ИЗГОТОВЛЕНО 26.08.2086. ВЫПУСК 122 ЕДИНИЦЫ. ДВЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ — НЕДОВЕС 160 ГРАММОВ СУММАРНО. ПРИЧИНА: НЕСОГЛАСОВАННОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ДОЗАТОРА. ВСЮ ПАРТИЮ ЗАДЕРЖАТЬ ДО КОНТРОЛЬНОЙ ПРОБЫ.

Ниже поставил подпись.

Подпись получилась раздражённой. У почерка есть преимущество перед лицом: он не обязан делать вид, что всё в порядке.

До выхода оставалось шесть часов.

До окончания нашего с Верой срока — двадцать два дня, если НЗ-4 не ошибся, линия К не передумала, а человеческое тело уважало документы.

Последнее было наименее вероятно.

Я достал из шкафа две пробирки. В одной лежала моя кровь, взятая утром. В другой — Верина. За двое суток её образец изменился сильнее, чем мой за неделю. На дне выросла тонкая зелёная сетка. Она повторяла трещины стекла, хотя пробирка была целой.

Я повернул её к свету.

Сетка повернулась следом.

Не вся. Один край задержался, словно раздумывал.

— Не нравится? — спросила Вера.

Она вошла без стука и поставила на стол кружку. От кружки шёл пар. За последние дни Вера освоила два новых медицинских метода: приносить кипяток и появляться в тот момент, когда я собирался скрыть от неё результат.

— Очень нравится, — сказал я. — Думаю завести такую дома.

— У вас уже есть.

Она кивнула на мою руку. Под кожей возле локтя темнели три тонкие линии. Вчера их было две.

— Моя не зелёная.

— Вы завидуете?

— Как специалист. Редкий случай.

Вера взяла свою пробирку. Сетка перестала тянуться к свету и собралась ближе к её пальцам.

Мы оба это увидели.

— Такого утром не было, — сказала она.

— Утром ты не держала образец.

— Вы держали.

— Он меня не любит.

— Разумная культура.

Она поставила пробирку обратно. На тыльной стороне ладони под кожей лежал зелёный квадрат — метка К-49. После НЗ-12 квадрат стал ярче. Иногда он пульсировал раньше сердца. Обожжённое предплечье оставалось под сухой повязкой; при каждом движении ткань тянула кожу.

— Карта снова включилась, — сказала Вера.

- Где?
- У Рады.
- Почему ты здесь?
- Хотела сначала увидеть кровь.
- Увидела.
- Теперь не хочется идти.
- Значит, там хорошая новость.

Мы прошли через двор бывшей бани. Лаборатория занимала мужское отделение, склад химии — предбанник, а совет ключей собирался там, где раньше мылись женщины. Фрося утверждала, что после политиков помещение приходится скоблить дольше, чем после посетителей. Я ей верил.

На улице пахло известью, дымом и новой едой. Запах пищевой линии был слабым, но в Затворе его чувствовали все. Люди шли по нему, как мухи, только строем.

Перед окном выдачи стояла очередь. Сто двадцать человек по списку, ещё сорок без списка и семь детей, которых никто не считал, потому что они бегали вдоль стены. На доске мелом написали:

СМЕНА 3. ВЫДАЧА ЗАДЕРЖАНА ДО 16:00.

Ниже другой рукой добавили:

СРОКОВЩИК — СКОТИНА.

Почерк был уверенный. Я оценил.

- Сотрёте? — спросила Вера.
- Зачем? Информация верная.

У окна стояла Анна с ребёнком. Увидев меня, она прикрыла ладонью надпись, будто сама её написала.

- Партия плохая? — спросила.
- Дозатор плохой.
- А еда?
- Проверяю.
- Вчера хорошая была.
- Вчера уже закончилось.

Она кивнула. Не спорила. Это было хуже ругани. Люди в очереди знали, что мы уезжаем, и смотрели так, будто я забираю с собой не ключи, а способность отличать съедобное от смертельного.

У двери линии стояла Сойка — моя первая ученица. Волосы убраны под платок, рукава закатаны, на пальцах бурые следы йода. За два дня она перестала тянуть индикаторную бумагу ко рту. По крайней мере при мне.

- Пробы поставила? — спросил я.
- Кислотность четыре и семь. Газообразования нет. Осадок одинаковый в шести банках.
- Почему в шести?
- Две лишние плюс четыре по норме выборки.
- Молодец.
- Она подозрительно посмотрела на меня.
- Что не так?
- Ничего.
- Вы «молодец» просто так не говорите.
- Запомни этот день.
- Я записала результаты.
- Тогда забудь.

Сойка протянула лист. Цифры были аккуратные. В графе «решение» пусто.

— В шестнадцать повторишь кислотность, вскрыешь две контрольные и осмотришь шов, — сказал я. — Если без изменений, выдавай по массе содержимого. Недовес из двух банок доложить из резервной, тару списать.

— Мотя обидится.

— Это уже учтено.

— А если вы не вернётесь?

Очередь притихла не сразу. Сначала замолчали ближайшие, потом тишина дошла до стены. Даже дети перестали бегать, потому что взрослые начали слушать.

— Тогда в шестнадцать всё равно повторишь кислотность, — сказал я.

Сойка сжала лист.

— Я не про сегодня.

— А я про работу. На остальное у тебя нет прибора.

— У вас есть?

— Нет. Поэтому не трать пробу.

Я пошёл дальше. Спиной чувствовал взгляды. Человеку вообще полезно иногда чувствовать, что о нём думают. В небольших дозах. Большие вызывают желание стать Бугаем.

В женском отделении уже сидели Рада, Круглый из Заречья и караванщик Дядька. Кочет стоял у двери. Тая — у карты. На лавке лежали три ключа: чёрный, серый и зелёный.

Зелёный должен был оставаться у Круглого.

— Нет, — сказал я с порога.

Круглый почесал щёку.

— Даже не спросил.

— Поэтому быстро.

— Берите зелёный.

— Нет.

— Там центральный узел.

— Здесь линия.

— Серого хватит.

— Тогда зачем отдаёшь?

— Затем же, почему Рада чёрный дала. Чтобы вы вернулись.

— Ключ не верёвка.

— Это смотря куда вставить, — сказал Кочет.

Рада посмотрела на него.

Кочет кашлянул и снова стал охраной.

Я взял зелёный ключ и вернул Круглому. Тот неохотно сунул его за пазуху.

— Если линия остановится, — сказал я, — открываете технический блок вдвоём: ты и Рада. Караванщики дают чернила для общей печати. Любое изменение подачи — только после двух проб. Мотю к регулятору не подпускать.

— Он починил линию, — заметил Дядька.

— Поэтому знает, где ломать.

— А если сломается без него?

— Подпускайте. Руки связать спереди.

— У него одна работает.

— Вторую связать для порядка.

Тая провела пальцем по карте.

Четыре белые отметки находились северо-западнее Затвора. В эпилоге они были дальше — на линии старого округа. За двое суток прошли почти семьдесят километров. Не по рельсам: один участок там разобрали ещё до моего рождения. Значит, у группы имелся другой транспорт или они умели заставлять сеть строить дорогу под собой.

Рядом с отметками горели мелкие значки. Семь серых, два зелёных, один чёрный.

— Новые появились час назад, — сказала Рада.

— Что означают?

— Вера знает.

Вера села на край лавки. Она не смотрела на карту.

— Серые — проверенные населённые пункты. Зелёные — принятые в снабжение. Чёрный — исключённый.

— Откуда знаешь? — спросил Круглый.

— Помню.

— Кто объяснил?

— Никто.

Круглый убрал руку от груди, где лежал ключ.

— Вот поэтому зелёный вам нужнее.

— Вот поэтому он останется у тебя, — сказал я.

Вера наконец посмотрела на нас.

— Чёрный пункт — Крапивное. Сто восемьдесят три человека по последней переписи НЗ. Семнадцать детей. Колодец, ветряная мельница, фельдшерский запас.

— Был, — сказала Рада.

— Почему был?

Она указала на цифру рядом со значком.

ОСТАТОЧНАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ: 41.

В помещении стало тихо.

Круглый первым перевёл число в понятный язык.

— Сто сорок два человека за два дня?

— Не обязательно умерли, — сказала Вера.

— Тогда где?

— Перемещены.

— Куда?

— В НЗ-1.

Дядька снял шапку. Караванщики редко обнажали голову в помещении. Пыль сверху защищала от дождя не хуже войлока.

— Зачем им столько людей?

На карте вспыхнула строка:

РЕГИОНАЛЬНАЯ КОРРЕКЦИЯ. ПЛАНОВАЯ ПОТРЕБНОСТЬ В ПЕРСОНАЛЕ: 640 ЕДИНИЦ. ДОПУСТИМАЯ НОРМА ПОТЕРЬ ПРИ ПЕРЕМЕЩЕНИИ: 18%.

Кочет прочёл дважды.

— Единиц, — сказал он.

— Система любит точные слова, — ответил я.

— Это точное?

— Для неё.

— А восемнадцать процентов — сколько?

Вера закрыла глаза.

— Сто пятнадцать человек. И ещё две десятых.

— Две десятых можно не спасать, — сказал Кочет. — Они в пределах округления.

Никто не засмеялся.

Он отвернулся.

— Я сказал глупость.

— Нет, — сказала Рада. — Ты сказал их расчёт.

Тая передвинула деревянную метку от Затвора к западной ветке.

— Если они сохраняют скорость, будут здесь через девятнадцать дней. Не двадцать два.

— Почему быстрее? — спросил Дядька.

— Раньше шли по дуге. Теперь маршрут прямой.

— К нам?

— К ключам, — сказала Вера. — И к нам с Ильёй.

Рада сложила руки на столе.

— Выходим сегодня.

— Это мы уже решили, — сказал я.

— Не всё. Перехватите их у Весовой.

— Мы идём к НЗ-1.

— Они идут сюда.

— Поэтому поедem мимо?

— Поэтому задержите.

— Чем?

Рада кивнула на Таю.

— Переговорами.

Тая не изменилась в лице. Только поправила ремень винтовки.

— У Таи восемь винтовочных патронов, — сказал я. — У Кочета два к обреза.

— Теперь винтовочных восемнадцать. Обрезные отдельно.

— Откуда десять?

— Из затворского резерва. Выдала под запись как боекомплект дорожной группы.

— Резерв на случай нападения.

— Это оно и есть.

— Резерв на случай нападения.

— Это он и есть.

— На Затвор.

— Пока нападение далеко, — сказала Рада. — Сделайте, чтобы осталось далеко.

Она говорила спокойно. На столе перед ней лежал список выдачи, карта и чёрный ключ.

Три вида власти: еда, знание и дверь. Бугай собирал их в одной руке. Рада раскладывала по разным людям, но пальцы всё равно держала рядом.

— Если мы свяжемся с группой, они узнают наш маршрут, — сказал я.

— Они его знают.

— Откуда?

— Ночью включился старый семафор у северных ворот. Показал свободный путь на запад. Наши к нему не подходили.

— Когда?

— За час до сообщения.

Я посмотрел на Веру.

— Сеть, — сказала она.

— Ты включила?

— Нет.

— Могла и не заметить.

— Могла.

Она произнесла это без защиты. После НЗ-12 Вера перестала спорить с тем, что не могла доказать. От этого спорить стало тяжелее мне.

— К-28 ещё отвечает? — спросил я.

Вера достала серый ключ. Положила на карту. Белая точка НЗ-1 загорелась, но сообщения не было.

- Мария молчит второй день.
- Может, ушла.
- Может, ей помогли.
- Почему сообщение пришло именно нам? — спросила Рада.
- Потому что мы открыли НЗ-12, — сказал я.
- В регионе десятки ключей.
- Были.
- Значит, она знала имена?

Вера коснулась карты. Между точками на мгновение появились тонкие линии, похожие на сосуды.

- Она знала К-17. Про К-49 до Затвора никто знать не мог.
- Кроме сети, — сказала Тая.

Ключ под Вериной ладонью нагрелся.

На карте возник новый текст:

К-17. К-49. МАРШРУТ ПОДТВЕРЖДЁН. ОЖИДАЙТЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ.

Ниже пошёл отсчёт.

18:43:11

18:43:10

- До чего? — спросил Кочет.
 - До сопровождения, — ответила Вера.
 - Очень заботливые.
 - Рада, закрывай ворота, — сказала Тая.
- Снаружи ударил колокол.
- Не тревога. Выдача.
- Время на карте продолжало убывать.
- Рада поднялась.
- Вы уходите сейчас.
 - Партия не проверена, — сказал я.
 - Сойка проверит.
 - У неё два дня опыта.
 - У нас восемнадцать часов.
 - Сорок три минуты.
 - Что?
 - Восемнадцать часов сорок три минуты. Точность — единственное, что здесь работает.
- Тая уже снимала карту со стены.
- Берём?
 - Копию, — сказала Рада.
 - Эта меняется.
 - Поэтому копию срисовывали каждый час.
- Она достала из-под списка свёрнутый лист. На нём были все линии, номера объектов и отметки группы. Мешков успел нанести даже время каждого перемещения.
- Когда? — спросил я.
 - Пока вы спорили о банках.
 - Полезный человек.
 - Поэтому оставляем здесь.
- Я взял чёрный ключ. Серый остался у Веры. Круглый снова попытался вытащить зелёный, но Рада прижала его руку к груди.
- Не геройствуй, — сказала она.
 - Я просто хотел помочь.

— Это оно и есть.

Мы вышли через заднюю дверь.

Очередь двигалась. Сойка разрешила выдачу раньше шестнадцати. Я остановился.

Она увидела меня из окна и подняла контрольный лист.

— Повторила! — крикнула. — Четыре и семь! Шов чистый! Газ ноль!

— Две банки?

— Вскрыла четыре!

— Зачем?

— Вы бы вскрыли!

Это было правдой. Я кивнул.

— Недовес?

— Доложила из резервной! Мотя ругался!

— Значит, всё правильно!

Люди в очереди смотрели то на нас, то на банки. Анна получила свою порцию и прижала к груди рядом с ребёнком.

— Возвращайтесь! — крикнул кто-то.

Другой голос добавил:

— Сроковщик, не сдохни! У нас дозатор!

— Очень тёплое прощание, — сказала Вера.

— Меня ценят как запасную деталь.

— Вы добились признания.

У северных ворот ждал «Клоп».

За два дня машина изменилась. Мотя поставил на котёл второй манометр, обшил платформу листовым железом и приделал над топкой искрогаситель из старого ведра. Ведро было красным, с надписью «ПОЖАР». Теперь огонь проходил через пожар и чувствовал себя предупреждённым.

К платформе прицепили низкий вагон: две бочки воды, мешки с углём, ящик инструмента, известь, аптечка, четыре одеяла, восемнадцать винтовочных патронов и продовольствие на десять дней. Два патрона к обрезу Кочет нёс отдельно. Еды на двадцать два не было. Мы собирались найти по дороге или умереть сытыми в первые десять.

Кочет проверял крепления.

— Где запасной клапан? — спросил я.

— Мотя не дал.

— Почему?

— Сказал, этот теперь не сломается.

— Где Мотя?

— Прячется.

Я нашёл его под платформой.

Он лежал на спине и одной рукой затягивал хомут паровой трубки.

— Вылезай.

— Ещё оборот.

— На прошлом обороте уже было герметично.

— Теперь надёжно.

— Следующий оборот сделает отдельно трубку и отдельно резьбу.

Мотя вылез. На щеке чёрная полоса, перевязь тоже в саже.

— Сердечник снял, — сказал он.

— Видел.

— Подачу вернул.

— Сойка проверит.

— Она всё записывает.

— Ужасная привычка.

Он протянул мне запасной клапан.

— Почему Кочету не дал?

— Он бы положил в ящик.

— А надо?

— Поставить после третьего свистка. Не раньше. Новый держит больше, но резьба старая.

Если свистит два раза — нормально. Третий значит, корпус повело.

— Почему сразу не поставить старый?

— Тогда ехать медленнее.

— Мы и должны ехать медленнее.

— Сопровождение догонит.

Я посмотрел на него.

— Ты видел карту?

— Все видели.

Новости в Затворе распространялись быстрее инфекции и реже поддавались извести.

Мотя вытер щёку. Стало две полосы.

— Если они придут, линия им не достанется.

— Не взрывай.

— Я не говорил.

— Поэтому и предупреждаю.

— А если Рада прикажет?

— Спроси Сойку.

— Она сроковщик, а не сотник.

— Вот и хорошо.

Он хотел ответить, но вместо этого обнял меня. Одной рукой, быстро и так неловко, будто пытался затянуть хомут на человеке.

— Верните Веру Андреевну, — сказал он мне в плечо. — Она мою руку обещала вылечить.

— Меня возвращать не обязательно?

— Вы сами приедете. У вас журнал здесь.

Он отпустил и ушёл к воротам.

Вера стояла у котла. Тая затягивала ремень на её сумке. Кочет спорил с Саввой, который хотел ехать.

— У меня пальцы не работают, а ноги работают, — говорил Савва.

— Поэтому ногами останешься, — ответил Кочет.

— Там люди нужны.

— Здесь тоже.

— Здесь Мотя.

— Вот именно. За ним нужен кто-то с ногами.

Савва увидел меня.

— Скажите ему.

— Он прав.

— Кто?

— Мотя опасен.

— Я про поездку.

— Тем более.

Савва сжал повреждённую кисть. Три пальца остались неподвижны.

— Я не маленький.

— Поэтому должен понимать слово «нет».

— Вы сами его не понимаете.

— Понимаю. Просто редко соглашаюсь.

Он отвернулся. Кочет положил ему руку на здоровое плечо, но Савва сбросил.

— Пусть злится, — сказал Кочет, когда мальчишка отошёл. — Так ждать легче.

— Ты специалист?

— Теперь да.

На поясе у него висел нож Шила. Рукоять была перемотана новой кожей, но на гарде осталась зарубка. Шило делал её после каждого убитого человека. Я насчитал три. Возможно, остальные он не считал людьми. Теперь нож принадлежал человеку, который считал слишком многих.

Тая забралась на переднюю площадку. Проверила винтовку и положила рядом три патрона. Из остальных винтовочных шесть отдала Кочету в общий пояс, три — Вере как резерв, шесть оставила у себя. Два патрона к обрезау Кочет держал отдельно.

— А мне? — спросил я.

— У вас шило.

— Очень справедливо.

— Вы умеете стрелять?

— Теоретически.

— Тогда шило безопаснее для всех.

Рада подошла последней. Без охраны, в старой куртке. Передала Кочету запечатанный пакет.

— Открыть за Весовой.

— Что там? — спросил он.

— Если скажу, пакет не нужен.

— Тогда зачем говорить, где открыть?

— Чтобы вы не открыли раньше.

Кочет убрал пакет за пазуху.

— Откроем у ворот, — сказал он.

— Я начислю долг.

— Государство работает.

Рада повернулась ко мне.

— Не веди их сюда.

— Постараюсь вести в другую сторону.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

— Если выбор будет между вами и Затвором...

Она замолчала.

— Договори, — сказал я.

— Ты понял.

— Понял. Поэтому договори.

За нами слушали люди. Рада это знала. Слова, сказанные у ворот, живут дольше приказов в комнате.

— Если выбор будет между четырьмя вами и Затвором, — сказала она, — я выберу Затвор.

— Правильно.

Вера посмотрела на меня.

— Не за всех, — добавил я. — За себя.

Рада кивнула.

— За себя.

Это было больше, чем обещание спасти. Спасение легко обещают те, кто не знает стоймости. Рада подписалась под отказом.

Я поднялся к топке. Кочет открыл пар. «Клоп» дрогнул.

И тут Вера сказала:

— Стойте.

Тая уже держала винтовку.

Вера присела возле котла и провела пальцем по нижнему шву. На коже осталась белая паста.

— Известь? — спросил Кочет.

— Нет, — сказал я.

Спрыгнул на землю. Паста пахла мелом и уксусом. В неё был вдавлен знак: круг, разделённый вертикальной чертой, и четыре коротких штриха по краю.

Тот же знак я видел в НЗ-12 на ящиках корректирующего комплекта.

— Метка приёмки, — сказала Вера.

— Наша? — спросила Рада.

— Нет.

Я соскоблил пасту ножом. Нижний слой высох, верхний ещё мазался.

— Поставили не раньше рассвета.

— Машина всё время была у ворот, — сказал Кочет.

— Дозор?

Рада обернулась. Начальник ночного караула стоял в толпе. Лицо у него стало таким, какое бывает у человека, нашедшего собственную фамилию в акте.

— Никого не видели, — сказал он.

— Значит, плохо смотрели, — ответила Тая.

Она обошла «Клоп». Возле задней оси нашла отпечаток сапога. Узкий каблук, поперечная насечка, на носке круглая вставка. В Затворе подошвы латали чем придётся. Такая была заводской.

След вёл к стене и исчезал на камне.

— Один человек, — сказала Тая. — Пришёл со стороны линии. Ушёл туда же.

— Проверить всю машину, — приказала Рада.

Мы проверяли час.

Сняли кожухи, простучали бочки, высыпали уголь, вскрыли аптечку и распустили одно одеяло по шву. Мотя ругался, потому что кожухи он только поставил. Фрося ругалась, потому что одеяло было её. Рада не ругалась. Это заставляло остальных работать быстрее.

Нашли тонкую медную пластину под вторым манометром.

Мотя побледнел.

— Не моя.

— Знаю, — сказал я.

— Я бы ровнее сделал.

Пластина была тёплой. На ней проступали четыре белые точки — отметки корректирующей группы. Пятая мигала отдельно.

Мы.

— Маяк, — сказала Вера.

— Снять? — спросила Тая.

— Снимем — узнают, что нашли.

— Оставим — будут знать, куда едем.

— Они уже знают, — сказал Кочет.

Я поддел пластину шилом. Под ней оказался тонкий слой серой массы, похожей на высохший клей. Масса дрогнула и потянулась к металлу шила.

— Живая, — сказала Вера.

— Всё сейчас живое, когда не надо.

Я вернул пластину на место.

— Оставляем.

Тая подняла бровь.

— Хотите вести их?

— Хочу, чтобы они видели маршрут, который мы выберем.

— А поедем другим?

— Если Мотя даст второй «Клоп».

— Не дам, — сказал Мотя.

— Тогда этим.

— Не понимаю, — сказала Вера.

— Маяк знает положение пластины, а не всей машины.

Мотя понял первым. Улыбнулся.

— Второй манометр можно снять.

— И поставить на что-нибудь быстрое, — сказала Тая.

— Или медленное, — ответил я. — Чтобы группа не сразу заметила разницу.

У ворот стояла телега с выдачи. Запряжённый мерин был стар, ленив и за сутки проходил ровно столько, сколько корректирующая группа ожидала бы от перегруженной паровой платформы на плохом пути.

Через двадцать минут манометр с маяком лежал под мешками пустой тары. Возчик получил приказ ехать на юг до мыловарни, там повернуть к Заречью, маяк не трогать и за каждый день получить банку рациона.

— А если меня догонят? — спросил он.

— Скажешь правду, — ответила Рада.

— Какую?

— Что тебе заплатили банкой.

— Поверят?

— В это поверит любой.

Мы снова собрали «Клоп». Второй манометр не работал, зато смотрел убедительно. Мотя нарисовал на стекле стрелку.

— На случай, если забудете давление, — сказал он.

Стрелка показывала два с половиной.

— А если будет три?

— Смотрите на первый.

— Очень полезный прибор.

— Зато их обманул.

Мы выехали через северные ворота в одиннадцать сорок.

Время сопровождения на карте составляло семнадцать часов две минуты.

Северная ветка уходила между белыми холмами. После летней жары Цветение на склонах посерело и стало похоже на грязный снег. Кое-где из него торчали дорожные знаки, крыши машин и чёрные стволы деревьев. Мир лежал под слоем вещества, которое семьдесят лет ело пластик и никак не могло насытиться.

«Клоп» шёл медленнее обычного. Мотина новая защита весила почти как ещё один человек. Искрогаситель звенел на каждой стыковой щели. Красное ведро над топкой было видно издалика.

— Можно снять, — сказала Тая.

— Тогда искры подожгут сухой цвет, — ответил Кочет.
— Можно закрасить.
— Красное быстрее едет.
— Это Мотя сказал?
— Нет. Я.

Тая посмотрела на него и отвернулась к пути.

Вера сидела возле карты. Белые точки корректоров некоторое время двигались к югу, следом за телегой. Обман работал.

— Они слишком легко поверили, — сказала она.
— У машины был их маяк.
— Сеть видела нас утром.
— Сеть видит ключи.
— Я и есть ключ.
— Тогда пригнись.

Она не улыбнулась.

Через час точки остановились.

Потом одна продолжила путь к югу. Три повернули на восток.

К нам.

— Разделились, — сказал Кочет.
— Одного отправили проверить маяк, — ответила Тая. — Остальные режут напрямик.
— Значит, выиграли сколько?
— Часа три.
— Банка за три часа — хорошая цена, — сказал я.
— Возчику так и скажете, если вернётся.

Рельсы за старым карьером заросли полынью. Мы ехали тем же путём, по которому возвращались из НЗ-4, но дорога выглядела другой. Тогда мы торопились к заражённому Затвору. Теперь от него. Направление меняет не пейзаж — только перечень причин умереть.

У первого разъезда семафор показал зелёный.

На этой ветке не было электричества сорок лет.

Кочет закрыл пар. «Клоп» прокатился ещё десять метров и остановился.

Зелёный круг светился ровно. Не лампа — тонкая живая плёнка на стекле.

— Сеть прокладывает маршрут, — сказала Вера.
— Для нас?
— Для ключей.

Тая сошла на землю. Осмотрела кусты, будку стрелочника, канаву. Вернулась.

— Следы колёс. Свежие.
— Корректоры?
— Узкая тележка. Прошла на запад утром.
— Они были впереди, — сказал Кочет. — А точки сзади.
— Значит, не они.

Я подошёл к семафору. Под зелёной плёнкой шевелились тонкие нити. Такие же росли в Вериной пробирке.

— Не трогайте, — сказала она.
Я уже протянул шило.
— Почему?
— Не знаю.
— Хорошая причина.
— Илья.
Я опустил руку.

Вера приблизилась к столбу. Плёнка стала ярче. Серый ключ в её кармане нагрелся так, что на ткани проступило тёмное пятно.

— Он говорит, — сказала она.

— Кто?

— Маршрут.

— Что говорит маршрут?

— Прибыть в пункт приёмки. Сдать сопровождающих. Сохранить носителей.

Кочет оглянулся на Таю.

— Нас сдают по одному или вместе?

— Вместе дешевле, — сказал я.

Вера резко отступила. Свет погас.

— Там было ещё что-то.

— Что?

— Норма потерь.

— Восемнадцать процентов?

— Нет. Для нас — пятьдесят.

Кочет посчитал.

— Один из двух сопровождающих.

Тая проверила затвор винтовки.

— Удобно.

— На ключе НЗ-4 было то же, — сказал я. — Сопровождающих два, допустимые потери одна.

— Тогда система пыталась закрыть меня в шлюзе, — сказала Тая.

— А меня оставить на операции, — добавила Вера.

— Последовательная организация.

Я вернулся к машине.

Семафор снова загорелся, когда «Клоп» тронулся. Зелёный свет преследовал нас до поворота.

Через десять километров рельсы начали блестеть.

Не от использования. Их очистили от Цветения совсем недавно. По обе стороны лежали соскобленные серые пласты. Работа на много людей или на одну машину, которой не жалко режущих ножей.

— Тележка, — сказала Тая.

Впереди на стыке стояла низкая платформа. Пустая. Четыре маленьких колеса, ручной рычаг и ящик под сиденьем. Следы от неё обрывались здесь.

Мы остановились в двадцати метрах.

Тая и Кочет пошли по сторонам. Я остался у котла. Вера держала ключ обеими руками.

— В ящике тепло, — сказала она.

— Откуда знаешь?

— Чувствую линию.

— Тепло не линия.

— Для неё всё линия.

Тая подняла крышку ящика шестом.

Внутри лежали инструменты: скребок, маслёнка, запасные втулки и моток медной проволоки. Никакой ловушки.

— Служебная, — сказал Кочет. — Автоматика чистила путь.

— А где автоматика?

Ответ лежал за платформой.

Сначала я увидел ботинки. Новые, одинаковые, с узким каблуком и круглой вставкой на носке. Потом штаны серого цвета. Человек лежал между рельсами лицом вниз, вытянув руки вдоль тела, будто старался занимать меньше места.

Тая перевернула его.

Мужчина лет тридцати. Бритый. На виске свежий шов. Глаза открыты. Роговицы равномерно помутнели; было ли это следствием лекарства, болезни или смерти, без осмотра я не знал. На шее след от инъекции. Крови почти не было.

Я присел рядом.

— Не трогайте кожу, — сказала Вера.

— Поздно.

Тело ещё сохраняло тепло. С учётом прохладного воздуха смерть могла наступить несколько часов назад, но точнее я бы только притворялся. Мышцы были расслаблены; следов сильных судорог я не увидел. Ногти чистые. На пальцах рабочие мозоли, но свежие — кожа под ними не успела загрубеть. Человека начали учить работе недавно.

На груди к куртке аккуратно пришили белую матерчатую бирку.

Не прикололи. Не привязали. Пришили четырьмя одинаковыми стежками, пока он был одет.

На бирке машинным шрифтом:

ЕДИНИЦА Т-104. ФУНКЦИЯ: ПУТЕВОЙ РАБОЧИЙ.

ПРИЧИНА СПИСАНИЯ: ОСТРАЯ СЕРДЕЧНАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ.

ПОТЕРЯ В ПРЕДЕЛАХ НОРМЫ.

Ниже стояло время.

Два часа сорок минут назад.

И подпись:

КОРРЕКТОР П. НЕСТЕРОВ.

Кочет выругался.

Тая осматривала насыпь.

— Ушли пешком. Трое или четверо. На запад.

— Почему точки на востоке? — спросил Кочет.

Вера смотрела на мёртвого.

— Потому что точки показывают не людей.

— А что?

— Приказы.

Серый ключ у неё в руке ожил.

На металле появилась одна строка:

СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРИБЫЛО.

Из будки стрелочника донёсся щелчок.

Потом ещё один.

Не выстрел.

Замки.

На окнах изнутри опустились стальные ставни. Дверь открылась сама.

В тёмном проёме стояла женщина в серой форме. Руки пустые, на рукаве тот же круг с четырьмя штрихами.

— К-17 и К-49, — сказала она. — Центральный узел подтверждает приём.

Тая подняла винтовку.

Женщина даже не посмотрела на ствол.

— Сопровождающих двое, — продолжила она. — Допустимая потеря — одна единица.

— У нас четыре человека, — сказал Кочет.

— Носители не входят в расчёт потерь.

Я поднялся.

— А мёртвый входит?

Она перевела взгляд на тело.

Лицо осталось спокойным.

— Т-104 исчерпал функцию.

— Сердце остановилось.

— Поэтому исчерпал.

— Вы врач?

— Корректор медицинского профиля Лида Сомова.

— Тогда должны знать: «острая сердечная недостаточность» не объясняет, почему сердце остановилось. Это запись результата вместо причины.

На секунду что-то изменилось. Не в лице — в паузе. Лида посмотрела на собственную ладонь, будто там был записан ответ.

— Причина учтена центральным узлом, — сказала она.

— Значит, узел хреновый врач.

Тая держала её на прицеле. Кочет сместился к будке. Вера не двигалась.

Лида сделала шаг из дверного проёма.

— Проследуйте в пункт приёма. Сопротивление увеличивает норму потерь.

— До скольких? — спросил я.

— До фактических.

За её спиной в будке включился свет.

На стене висела карта. По ней двигалась белая линия, идущая прямо к Затвору.

Под линией менялись цифры:

ПЛАНОВАЯ ПОТРЕБНОСТЬ: 640.

ПОЛУЧЕНО: 147.

НЕДОСТАЧА: 493.

Лида протянула руку.

— Ключи.

Я посмотрел на мёртвого путевого рабочего. На аккуратные стежки. На его новые мозоли.

Потом на женщину, которая называла смерть учётом.

До Затвора было меньше дня пути.

До НЗ-1 — почти три недели.

До первого выстрела оставалось примерно столько, сколько Тае требовалось, чтобы выбрать место.

Она выбрала.

Глава 2. Путевой лист

Тая выстрелила не в женщину.

Это выяснилось по звуку.

Человеческое тело принимает пулю глухо. Стекло — честнее.

Зелёная лампа над дверью разлетелась. Будка погасла. Лида Сомова шагнула назад, и Кочет бросился к ней. Он успел пересечь один рельс.

Из дверного проёма вылетела белая струя.

Кочет рухнул.

Не красиво. Колени подломились, лицо встретилось со шпалой. Нож Шила выскочил из ножен и зазвенел по камню.

Тая перевела ствол на Лиду.

— Ещё шаг — пристрелю.

— Выстрел увеличил норму, — ответила та из темноты.

— Ещё слово — тоже.

Лида замолчала.

Я натянул ворот свитера на нос, задержал дыхание и добрался до Кочета. От белой струи пахло мокрой землёй и сладким спиртом. Зрачки у него были узкие, дыхание частое. Пульс сохранялся. Это не говорило почти ни о чём, кроме одного: пока он был жив. Везение — плохая лабораторная категория: результат есть, причины нет.

Я зацепил Кочета за ворот и потащил назад.

— Не вдыхайте, — сказала Лида.

— Спасибо, — ответил я. — Очень своевременно.

— Аэрозоль действует через слизистые.

— Тая, глаза закрой.

— Уже поздно.

Она стояла с подветренной стороны. Белое облако ползло к насыпи, не к ней. Вера была у «Клопа», прижав к груди серый ключ.

Я оттащил Кочета за платформу. На его губах появилась пена. Не бурая, как у Бугаевых консервов, а прозрачная. Я повернул его на бок, очистил рот краем ткани и проверил, свободно ли он дышит. В зубы ничего не совал: если начнутся судороги, ремень спасёт только ремень.

На шее и открытых участках кожи следов укола не было.

— Что распылили? — крикнул я.

— Стандартное средство ограничения двигательной активности.

— Название.

— Р-6.

— Состав.

Пауза.

— Не требуется сопровождаемому персоналу.

— Тогда состав узнаем после вскрытия корректора.

Тая не повернула головы.

— Хорошая формулировка.

— Плохая. Я не знаю, как вскрывать живых.

— Научитесь.

Лида закрыла дверь.

Замок щёлкнул. В стенах будки зашипело. Из-под крыши выдвинулась короткая труба.

— Ложись! — крикнула Тая.

Мы легли.

Труба выплюнула не пулю. Красный огонёк взлетел над насыпью, описал дугу и лопнул высоко в небе. В воздухе развернулось облако мелкой блестящей пыли.

Вера вскрикнула.

Серый ключ вырвался из её рук и прилип к стенке котла. Пыль над нами собралась в четыре линии. Три потянулись на восток, одна — к «Клопу».

Сигнал.

Наш обман с манометром закончился.

— Уходите, — сказала Лида из-за двери. Голос доносился через переговорную решётку. — Медицинская помощь сопровождающему будет оказана после приёма.

— Он не доживёт до приёма, — ответил я.

— Вероятность сохранения функции — восемьдесят семь процентов.

— А остальные тринадцать?

— В пределах нормы.

Тая выстрелила второй раз.

Пуля ударила в решётку. Железо вогнулось. Лида больше не отвечала.

— Два винтовочных из восемнадцати, — сказал я. — Осталось шестнадцать.

— Считаю.

— Хорошо, что хоть кто-то.

Я снял с Кочета куртку, смочил рукав водой и протёр лицо. Кожа холодела. Пульс замедлился до пятидесяти, потом до сорока восьми. На языке появились мелкие белые точки.

Сначала я принял точки за споры. Под лупой они оказались сухими кристаллами, уже растворявшимися в слюне. Я соскоблил один в пустую гильзу. Запах земли усилился. Этого было мало, чтобы определить состав, и достаточно, чтобы не колоть первое попавшееся лекарство. В НЗ-4 был К-антагонист, но остаток мы отдали на линию. В аптечке «Клопа» имелись уголь, соль, старый кофеин и две ампулы атропина, происхождение которых Мотя описал словом «нашёл».

Без состава Р-6 атропин мог оказаться и помощью, и второй причиной остановки сердца. У аптечной рулетки всегда два сектора, и оба подписаны врачом почерком.

— Вера, ко мне.

Она не ответила.

Стояла у котла и смотрела на ключ. Тот держался на металле без крепления. По серой поверхности проходили буквы:

СОПРОВОЖДАЮЩАЯ ЕДИНИЦА 2. СОСТОЯНИЕ ОБРАТИМОЕ. ВМЕШАТЕЛЬСТВО НЕ ТРЕБУЕТСЯ.

— Вера.

Она моргнула.

— Слышу.

— Нужна аптечка.

— Атропин не вводите.

— Почему?

— Не вводите. Сеть называет Р-6 блокатором нервно-мышечной передачи. Атропин здесь может только увеличить нагрузку на сердце.

— Откуда знаешь?

— Слова пришли из сети. Откуда у неё данные, не знаю.

— Замечательно.

Она оторвала ключ от котла и подошла. Присела возле Кочета, положила пальцы ему на висок. Три секунды ничего не происходило. Потом остатки кристаллов на языке потемнели и начали растворяться.

Кочет вдохнул глубже. Совпадение или действие культуры — различить было нечем.

— Что делаешь? — спросил я.

— Не я.

— Убери руку.

Вера убрала.

Пульс поднялся до пятидесяти двух. Кожа потеплела.

— Культура расщепляет препарат, — сказала она.

— В твоём теле?

— На границе контакта. Возможно.

— У него нет К-линии.

— Я не передала линию. Только реакцию. Наверное.

Я посмотрел на её пальцы. Зелёный квадрат на руке стал бледнее. На коже Кочета следа не осталось.

— Ты что-то оставила в нём?

— Не знаю.

— Очень полезный ответ.

— Другого у меня нет.

— Тогда не трогай больше ничего живого.

Она поднялась.

— Вас тоже?

— Особенно меня.

Тая отступала к нам, не выпуская будку из прицела.

— Уходим. С востока будут через час, если идут налегке.

— Кочет не идёт.

— Повезём.

— Лида останется за спиной.

— Она уже там.

В будке загудел механизм. Под полом что-то открылось. Тая бросилась к двери и ударила прикладом в замок. Раз. Второй. На третий решётка выпала внутрь.

Она просунула винтовку и отодвинула засов.

Будка была пустой.

В полу зиял квадратный люк. Из него тянуло холодом и всё тем же сладким спиртом. Лестница уходила в бетонную трубу под путями.

— Не лезем, — сказала Тая.

— Наконец разумный приказ.

Она закрыла люк и заклинила ножом из ящика. Нож был хороший, путевой. Хозяин лежал между рельсами и больше в нём не нуждался.

Мы погрузили Кочета на вагон. Мёртвого Т-104 я оставлять не хотел.

— Он весит килограммов семьдесят, — сказала Тая.

— Шестьдесят пять.

— Уголь важнее.

— Для движения.

— А он?

— Для понимания.

— Понимать можно на месте.

Я показал на бирку.

— Его кто-то изготовил, использовал и списал. Хочу знать, кем он был до номера.

— За нами идут.

— Поэтому быстро.

Мы уложили тело рядом с бочками и накрыли брезентом. Тая молча выбросила два мешка угля. Я запомнил. В Затворе из-за двух банок спорили полчаса. Здесь за мёртвого отдали день пути без единого голосования.

Потери начинались не с людей.

Сначала с того, что позволяло их везти.

«Клоп» набрал ход. Будка осталась позади. В окне за погнутой решёткой на секунду появилось лицо Лиды.

Потом исчезло.

Подземный ход имел второй выход.

Кочет пришёл в себя через сорок минут.

Сначала попытался сесть. Потом передумал и выругался. Это была хорошая последовательность диагностики.

— Пальцы? — спросил я.

Он пошевелил.

— Есть.

— Ноги?

— Две.

— В голове?

— Говно.

— Значит, без изменений.

Он открыл глаза.

— Попала?

— В лампу.

— Я про корректора.

— Ушла.

— Плохо.

— Для неё хорошо.

— Я теперь переживаю за её удобство.

Он попробовал поднять руку. Не смог.

— Чем?

— Р-6. Грибная дрянь.

— Противоядие?

Я посмотрел на Веру. Она сидела спиной к нам.

— Частично.

— Что значит частично?

— Значит, если через сутки не помрёшь, можно будет обрадоваться полностью.

— А если помру?

— Не торопись. У нас тело уже есть.

Кочет повернул голову к брезенту.

— Забрали?

— Да.

— Зачем?

— Тот же вопрос.

Он снова закрыл глаза.

— Тая зря стреляла в лампу.

— Скажи ей.

— Потом.

— Разумно.

Вера держала серый ключ на коленях. Карта больше не показывала четыре точки. Теперь от НЗ-1 расходились тонкие пунктирные линии. Одна шла к Крапивно, другая к Весовой, третья к Сухой Миле. Наша двигалась между ними, но метки на ней не было.

— Потеряли нас? — спросил я.

— Нет.

— Откуда знаешь?

— Я вижу себя.

— На карте нет точки.

— Она внутри.

— Очень удобно для карты.

Вера провела пальцем по линии. Стрелка впереди повернулась сама. Мы слышали лязг, хотя до развилки оставалось километра три.

— Что ты сделала?

— Ничего.

— Стрелка перевелась.

— Я подумала о западной ветке.

— Не думай о котле.

— Почему?

— Мотя тоже с этого начинал.

Она убрала руку.

— Сеть предлагает путь через Крапивно.

— Чёрную точку.

— Самый короткий.

— И самый проверенный.

Тая услышала.

— Едем туда.

— Почему?

— Корректоры не ждут, что мы выберем списанный пункт.

— Система ждёт.

— Система не стреляет.

— Пока.

Она проверила восточный склон.

— Через Крапивно можно уйти на старую почтовую ветку. Следы потеряются в карьере.

— Там сто сорок два отсутствующих человека, — сказал я.

— Поэтому посмотрим.

Кочет поднял руку на сантиметр.

— Я за.

— Тебя не спрашивали.

— Поэтому честно.

На развилке стрелка действительно стояла на Крапивно. Механизм был очищен и смазан. Возле рычага блестела та же белая паста. Корректирующая группа готовила маршрут не только себе.

Тая нашла под сигнальным ящиком тягу контрольного контакта. Мы отсоединили её, вручную перевели острия на запад и заклинили путевым костылём. Потом вернули рычаг в восточное положение, не двигая рельсов. Работа заняла двадцать минут и остаток уважения к паровой тяге. Сигнальная сеть получила отметку восточной ветки, а «Клоп» ушёл на запад. До следующего контрольного поста обман мог продержаться.

— Надолго? — спросил Кочет с платформы.

— До следующего семафора, — сказала Вера.

- Можно его сломать?
- Можно сломать все.
- Хороший план.
- Тогда мы тоже не узнаем, куда идёт группа.

Кочет подумал.

- Плохой план.

Крапивно начиналось с кладбища машин.

Два автобуса лежали в канаве, съеденные Цветением до каркасов. Между ними стояла детская коляска. Металлическая рама сохранилась, пластмассовые колёса исчезли. На ручке висела свежая синяя лента.

Тая подняла кулак.

Мы остановились.

За автобусами — ни дыма, ни голосов. Дома дальше по дороге были целы. На крышах сохранилась черепица, в окнах — ставни. Колодезный журавль торчал над площадью. Рядом с ним лежало ведро.

- Слишком тихо, — сказал Кочет.

Он уже сидел. Руки слушались, ноги пока нет.

- Сто сорок два человека стараются не шуметь, — ответил я.

- Или сорок один.

Тая пошла первой. Мы с Верой остались у машины. Через пять минут Тая появилась у крайнего дома и махнула.

На площади стояли сорок один человек.

Точно.

Они сидели рядами на земле. Старики, маленькие дети, трое мужчин с заметными увечьями, женщины разного возраста. Перед каждым на пыли был нарисован белый круг. Выходить за него никто не пытался.

- Можно встать, — сказала Тая.

Люди не пошевелились.

- Они ушли, — добавила она.

Старуха в первом ряду покачала головой.

- Сказали ждать проверки.

- Проверка закончилась, — сказал я.

- Откуда знаете?

- На карте чёрная отметка.

- Тогда тем более.

У старухи была прямая спина и руки мельника — белая пыль въелась в трещины кожи. Рядом сидел мальчик лет девяти. Голова перевязана, один глаз закрыт опухолью.

- Кто ранен? — спросил я.

Никто не ответил.

- Кто врач?

- Забрали, — сказала старуха.

- Фельдшера?

- И дочь его. И тех, кто мог идти.

- Сколько?

- Сто двадцать семь.

- На карте сто сорок два.

- Пятнадцать умерли.

Она произнесла это так же, как я записывал недовес. Факт уже произошёл, осталось не перепутать цифру.

- От чего?
- Трое сопротивлялись. Остальные от укола. Им сказали, чтобы дорогу легче перенесли.
- Куда повели?
- На запад.
- Сколько времени назад?
- Вчера утром.
- Тая опустилась перед ней на корточки.
- Почему сидите в кругах?
- Сказали, кто выйдет до повторной проверки, того не примут в снабжение.
- Вас уже не приняли.
- Откуда вы знаете их порядок?
- Видела карту.
- А мы видели лекарства.

Старуха показала на ящик возле колодца. В нём лежали стеклянные флаконы, бинты, порошки в запаянных пакетах. Настоящие. Чистые. Годные.

На крышке лист:

КОМПЕНСАЦИОННАЯ ВЫДАЧА. ПОЛУЧАТЕЛЕЙ: 41. СРОК ОБЕСПЕЧЕНИЯ: 30 СУТОК.

- Они оставили лекарства, — сказала Вера.
- Тем, кого не взяли, — ответила старуха. — Мой инсулин. У Егорки воспаление. У Семёна нога гниёт третий месяц. Всё дали.
- А остальных забрали.
- Молодые. Здоровые. Им там работа будет.
- Они согласились?
- Старуха посмотрела на мальчика.
- Сначала нет.
- Потом?
- Потом показали расчёт. Если не отдать сто двадцать семь, к зиме останется двадцать три. Если отдать — сорок один доживёт до весны.
- Расчёт чей?
- Машины.
- Машина не знает вашу зиму.
- А вы знаете?

Я не ответил.

В Затворе было мало еды, но стены, линия и люди. В Крапивно — мельница без зерна, колодец и фельдшерский ящик. Корректоры не обязательно солгали в цифрах. Только сделали из вывода приказ.

Мальчик рядом со старухой пошатнулся.

Я вышел в его круг.

Люди ахнули.

- Что? — спросил я.
- Нельзя, — сказала старуха.
- Мне можно. Я не претендую на снабжение.

Присел возле мальчика. Повязка пропиталась желтоватой жидкостью. От раны пахло сладко. Не Цветение — гной. Температура высокая, дыхание поверхностное.

- Как зовут?
- Егор.
- Глаз видишь?
- Правым.

— Левым?

— Тоже. Только темно.

— Очень полезное зрение.

Он попытался улыбнуться.

— Бабка сказала, вы сроковщик.

— Бабка быстро решает.

— У вас шило.

Профессия распространялась по инструменту.

Я снял повязку. Над бровью глубокая рассечённая рана, края уже серели. Внутри мелкие частицы ржавчины и древесная щепка.

— Чем ударился?

— Прикладом.

Старуха отвела глаза.

— Сопrotивлялся? — спросил я.

— Мать забирали.

— Забрали?

Егор кивнул.

— Сказала сидеть. Вернётся после работы.

Я посмотрел на компенсационный ящик. В нём были антибиотики. Даже два вида. Но никто не решился открыть до повторной проверки.

— Кто должен прийти?

— Женщина-врач, — сказала старуха. — Лида.

— Она задержится.

— Вы её знаете?

— Познакомились.

Я разорвал пакет с физраствором.

Люди зашевелились.

— Это выдано нам, — сказал мужчина без кисти.

— Поэтому использую на вашем мальчике.

— В листе порядок.

— Рана ждать порядок не будет.

— Если нарушим, они не вернутся.

— Они не вернутся в любом случае, — сказала Тая.

Мужчина поднялся внутри круга, но не вышел.

— А если вы врётё?

— Тогда у вас останется живой мальчик, который подтвердит.

Я промыл рану. Егор не кричал, только вцепился в моё колено. Щепка вышла вместе со стуском. Вера сверила название антибиотика и назначение с листом оценки, проверила отметку об аллергии и только потом приготовила раствор.

— Доза по весу, — сказал я.

— Двадцать восемь килограммов, — ответила старуха.

— Давно взвешивали?

— Вчера. Они всех.

Я нашёл в ящике листы оценки.

У каждого жителя Крапивно был номер, возраст, масса, заболевания, трудовая функция и прогноз выживания. Напротив Егорки:

Е-031. 9 ЛЕТ. ПОСЛЕДСТВИЯ ЧЕРЕПНО-МОЗГОВОЙ ТРАВМЫ. ПЕРЕМЕЩЕНИЕ НЕЦЕЛЕСООБРАЗНО. ОСТАТОЧНЫЙ РЕСУРС: 6–14 СУТОК БЕЗ ТЕРАПИИ, 73% ВЫЗДОРОВЛЕНИЯ ПРИ КОМПЕНСАЦИОННОЙ ТЕРАПИИ.

— Они знали, что лекарство поможет, — сказала Вера.

— Поэтому оставили.

— Тогда почему не обработали рану?

Лист отвечал ниже:

**РАСХОД ВРЕМЕНИ МЕДИЦИНСКОГО ПРОФИЛЯ СВЫШЕ НОРМЫ
МАРШРУТА. ТЕРАПИЯ ПЕРЕДАНА ЛОКАЛЬНОМУ ПЕРСОНАЛУ.**

— Фельдшера забрали, — сказал я.

Старуха услышала.

— Он годный.

— Был.

— Вернут.

— Почему?

— Потому что обещали.

— Кто?

— Мужчина. Нестеров.

— Что именно сказал?

Она нахмурилась, вспоминая.

— «После восстановления регионального контура потребность будет пересмотрена».

— Это не обещание.

— А что?

— Фраза, после которой удобно уйти.

Старуха посмотрела на ряды кругов. Потом впервые поставила ногу за белую черту.

Ничего не произошло.

Она сделала второй шаг.

Люди поднялись не сразу. Мужчина без кисти вышел последним. Долго смотрел на круг, словно тот держал его лучше стены.

Мы перенесли Егорку в дом. Кочета уложили рядом. Получилась лечебница из двух пациентов и врача, которого никто не назначал.

Я обработал рану, Вера ввела антибиотик и жаропонижающее. Старуха назвалась Ниной Лукиничной. Она знала, кому какие лекарства нужны, потому что тридцать лет работала при мельнице и выдавала пайки. В Крапивно это считалось ближе к медицине, чем умение читать латинские надписи.

— Они оставили на тридцать суток, — сказала она. — А потом?

— Потом либо повторная выдача, либо нет.

— На листе написано, что контур восстановят за двадцать два дня.

Наш срок.

Я нашёл строку:

УСЛОВИЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ: ПРИЁМ НОСИТЕЛЕЙ К-17, К-49, К-28.

Ниже:

**ПРИ НЕВЫПОЛНЕНИИ — ПЕРЕХОД К АВТОНОМНОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ.
ПРИОРИТЕТНЫЕ ПУНКТЫ: 2 ИЗ 10.**

— Крапивно не входит, — сказала Вера.

— Откуда знаешь?

— Чёрная отметка.

Нина Лукинична поняла без объяснений.

— Значит, на месяц дали, чтобы спокойно умерли?

— Чтобы не мешали перемещению, — сказала Тая от двери.

— А молодые?

— Будут работать на двух зелёных пунктах.

— На каких?

— Пока не знаем.

— Узнайте.

Она сказала это мне, как будто я отвечал за маршрут.

Возможно, уже отвечал. К-17 стояло в условии восстановления.

Кочет застонал. Чувствительность возвращалась болезненно. Пальцы свело, мышцы ног дрожали.

— Говно в голове стало горячим, — сообщил он.

— Улучшение.

— А это кто?

Он увидел Егорку.

— Пациент.

— А я?

— Учебное пособие.

Егорка открыл здоровый глаз.

— Вас тоже прикладом?

— Нет. Меня культурно.

— Это как?

— Сначала предупредили.

Мальчик подумал.

— Тогда сами виноваты.

Кочет закрыл глаза.

— Уже лучше. Начинаю хотеть, чтобы он замолчал.

Мы задержались в Крапивно на пять часов.

Тая напоминала о времени каждые полчаса. Я отвечал пульсом Кочета и температурой Егорки. Оба показателя снижались. Один хорошо, другой тоже хорошо. Редкое совпадение.

За это время жители разобрали круги ногами, открыли компенсационный ящик и впервые прочли листы не как приговор, а как сведения. Мы распределили лекарства. Вера составила таблицу дозировок. Нина Лукинична запомнила быстрее, чем я ожидал.

— Сухие флаконы держите в холоде и не замораживайте, — сказал я. — Разведённый помечайте датой и временем. Срок — только по листу из набора, не по памяти.

— А потом?

— Потом препарат может потерять активность. Насколько — без анализа не скажу.

— Вы же сроковщик.

— Именно поэтому.

— На коробке дата пятьдесят лет назад.

— Это лиофилизированный препарат из НЗ, не обычный аптечный раствор. Его годность держалась на холодовой цепи и герметичности. Нарушите любую — дата на бумаге уже не поможет.

— Значит, всё-таки можно есть просроченное?

— Инсулин не ешьте.

Она впервые улыбнулась.

Тая нашла у площади следы колонны. Сто двадцать семь человек шли на запад, связанные не верёвкой, а белыми лентами за запястья. Ленты легко рвались. Люди не рвали.

— Их вели шестеро, — сказала она. — Четыре корректора и двое местных.

— Какие местные?

Нина Лукинична назвала двух братьев, охотников. Они согласились помогать за место в снабжаемом пункте.

— Предатели, — сказал мужчина без кисти.

— Годные, — ответила Нина Лукинична. — По их бумаге.

В бывшей конторе мельницы мы нашли путевой лист группы. Не забытый — оставленный. На толстой белой бумаге были маршрут, пункты остановок, план пополнения и графа потерь.

КРАПИВНОЕ: ПОЛУЧЕНИЕ 127 ЕДИНИЦ. ФАКТИЧЕСКАЯ ПОТЕРЯ ПРИ ПРИЁМКЕ — 15. ДОПУСК — 22. ОТКЛОНЕНИЕ: МИНУС 7.

Пятнадцать умерших считались не трагедией и даже не расходом. Экономией.

Следующий пункт — Сухая Миля.

ПЛАНОВОЕ ПОЛУЧЕНИЕ: 96. ДОПУСТИМАЯ ПОТЕРЯ: 17.

Расчётное время прибытия — завтра в девять утра.

Ниже была отдельная строка:

ПЕРЕХВАТ К-17 И К-49: ПРИОРИТЕТ ВЫШЕ МАРШРУТНОГО. СОПРОВОЖДЕНИЕ НЕ СОХРАНЯТЬ СВЫШЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПОТРЕБНОСТИ.

— Они хотят, чтобы мы это прочли, — сказала Тая.

— Да.

— Зачем показывать следующий пункт?

— Чтобы мы туда приехали.

— Значит, не едем.

Я посмотрел на число девяносто шесть.

— Едем.

— Это ловушка.

— Знаю.

— Тогда почему?

— Потому что они тоже знают, что мы прочли.

— Не ответ.

— Другого нет.

Тая взяла лист и смяла. Потом расправила.

— Если потратим время, они догонят до Сухой Мили.

— Если не потратим, заберут девяносто шесть.

— Они уже забрали сто двадцать семь.

— Тем более плохо получается делать вид, что это не наша дорога.

— Наша дорога к НЗ-1.

— Через людей.

— Всегда через людей, — сказала Тая. — Поэтому до цели никто не доезжает.

Она вышла.

Вера осталась у стола.

— Она права.

— Знаю.

— Тогда почему спорите?

— Потому что я тоже прав.

— Удобно.

— Очень. Только ехать всё равно нам.

Мы решили оставить мёртвого Т-104 в Крапивно до возвращения. Не из уважения. Из-за угля. Нина Лукинична пообещала положить тело в ледник и никому не отдавать.

— Если придут за ним? — спросила.

— Скажите, исчерпал функцию.

— Поверят?

— Они сами написали.

Перед тем как перенести тело, я снял куртку и осмотрел спину. Под левой лопаткой обнаружился старый шрам в форме полукруга. Не медицинский. Клеймо или ожог.

Нина Лукинична увидела и ахнула.

— Серёжка.

— Знаете?

— Петров Сергей. Из Рудного. Привозил соль лет пять назад. У него жена хромая была.

— Уверены?

— Он в бане рубаху снимал. Шрам от котла. Сам рассказывал.

На бирке значилось Т-104. Ни имени, ни Рудного, ни жены.

— Когда видели последний раз?

— Три года. Караван пропал у западного моста.

— Может, похожий.

— Может. Только Серёжка букву «р» не выговаривал и всё шутил, что соль не портится.

Мёртвый ничего не выговаривал.

Я разрезал нитки бирки. Под ней на внутренней стороне куртки сохранилась вышитая буква «С». Кто-то пытался выдрать, но одна нитка осталась.

— Это он, — сказала Нина Лукинична.

— Был.

— Что они с ним сделали?

— Дали новую функцию.

— А старую?

Я посмотрел на лицо. Спокойное, чужое, слишком ухоженное для пропавшего караванщика.

— Списали раньше тела.

Мы накрыли Сергея Петрова чистой простынёй. Бирку я забрал.

До ледника тело донесли четверо. Двое держали простыню за углы, мужчина без кисти подставил плечо, я нёс ноги. Тая наблюдала за западной дорогой и делала вид, что не считает минуты. У неё плохо получалось: после каждой сотни шагов она касалась большого пальца. Пятый раз означал, что мы задержались ещё на десять минут.

Ледник оказался старым погребом под мельницей. В марте туда набивали речной лёд, пересыпали опилками и хранили молоко. Молока давно не было. Лёд остался узкой серой плитой у стены. Влажный холод сохранял продукты лучше молитвы, но хуже электричества.

Мы положили Сергея Петрова на деревянный стол.

— Вскрывать будете? — спросила Нина Лукинична.

— Нет условий.

— А если условия дать?

— Всё равно нет.

— Почему?

— Я не патологоанатом.

— Сроковщик же.

— Обычно товар не возражает против пробы.

Она посмотрела на мёртвого.

— Этот тоже не станет.

— Именно это и беспокоит.

Я ограничился наружным осмотром и полевой пробой крови. После смерти прошло не меньше семи часов, однако из локтевой вены удалось набрать тёмную жидкую кровь почти без видимых сгустков. Для обычного тела это было бы странно; для носителя неизвестной культуры — только наблюдением. От пробирки пахло не железом, а уксусом.

Вера поднесла пробирку к лампе.

— Внутри сеть.

— Везде внутри сеть.

— Нет. Такая же, как у меня. Только ровная.

В её образце зелёные нити росли беспорядочно, сворачивались, тянулись к теплу. В крови Сергея они лежали параллельно, как шпалы. Между ними двигались мелкие светлые точки.

— Транспорт, — сказала Вера.

— Клетки.

— Я чувствую назначение.

— У назначения нет запаха.

— Теперь есть.

Я разнёс образец на два часовых стекла. На первое добавил каплю лабораторного окислителя: окраска собралась возле нитей и быстро исчезла. На втором щелочной буфер из пищевого набора обесцветил их, но через минуту цвет вернулся. Это не было анализом — только двумя странными реакциями без контрольного образца.

— Устойчивая, — сказал я.

— Управляемая.

— Чем?

Вера коснулась стекла.

Все светлые точки остановились.

Я отёрнул её руку.

— Мы договаривались не трогать живое.

— Он мёртв.

— Культура не в курсе.

Точки снова пошли. Не сразу. Сначала две, затем остальные.

— Я приказала остановиться, — сказала Вера.

— Подумала?

— Нет. Вспомнила приказ.

— Чей?

— Нестерова.

Она закрыла глаза. Лицо напряглось.

— Не ищи.

— Уже слышу.

— Что?

— «Функцию закрепить. Биографические реакции убрать. Двигательный профиль сохранить». Потом ещё: «Речь мешает синхронизации».

Нина Лукинична стояла у двери.

— Серёжка не выговаривал «р», — сказала она.

— Возможно, поэтому убрали речь, — ответила Вера.

Старуха подошла к столу и провела пальцем по простыне над его плечом.

— Он песни пел. Плохо. Про железную дорогу одну знал, всё повторял. Жена просила замолчать, а он нарочно громче.

В крови светлые точки продолжали беззвучно двигаться между зелёными линиями.

— Это вернуть можно? — спросила Нина Лукинична.

— Он умер, — сказал я.

— Я не про него. Про тех, кого забрали.

Вера ответила раньше меня:

— Не знаю.

Старуха кивнула. Егорка уже объяснил ей, что это честное слово.

Я осмотрел шов на виске. Очень ровный, сделан не полевым инструментом. Под кожей прощупывался край маленькой пластины. Я обработал кожу, срезал два поверхностных стежка и раздвинул уже сведённые края — не глубже, чем требовалось, чтобы вынуть пластину.

Пластина оказалась тонкой, почти прозрачной. На ней номер Т-104 и три даты.

Первая — три года назад. День, когда караван Сергея пропал у западного моста.

Вторая — через девять суток: **ПЕРВИЧНАЯ КОРРЕКЦИЯ.**

Третья — вчера: **ОБНОВЛЕНИЕ ФУНКЦИИ.**

— Три года он был жив, — сказала Нина Лукинична.

— Физиологически.

— А иначе?

Я перевернул пластину. На обратной стороне имелись четыре маленьких квадрата. Один зелёный, три серых.

Вера отступила.

— Что?

— Квадраты — не функции. Коррекции памяти.

— Сколько?

— Четыре. Первая сохранила личность частично. Последняя убрала почти всё.

— Откуда знаешь?

— У меня такой же знак под кожей.

Она показала зелёную метку на руке.

Сходство было не точным. У Веры квадрат жил в ткани, у Сергея — на пластине. Но цвет совпадал.

— Тебя не корректировали, — сказал я.

— Меня записали как пустую.

— Когда?

— В НЗ-12. Когда линия вошла.

— Записали куда?

— В резерв функций.

Нина Лукинична перекрестилась. До этого она ни разу не вспоминала Бога. Технический термин оказался убедительнее смерти.

— Пустая — значит без памяти? — спросила она.

— Значит, память можно заполнить, — ответила Вера.

— Чужой?

— Любой доступной.

Я завернул пластину в вощёную бумагу и положил рядом с биркой.

— Пока это две догадки и кусок материала.

— Вы всегда так говорите? — спросила Нина Лукинична.

— Когда боюсь, что догадка правильная.

Мы закрыли шов чистой тканью. Бессмысленная медицинская аккуратность. Мёртвому не становилось лучше, зато живым было легче смотреть.

У двери Вера остановилась.

— Он здесь, — сказала она.

— Сергей?

— Т-104. Остался в линии. Последнее задание — очистить путь до Сухой Мили. Он всё ещё повторяет его.

— Тело лежит на столе.

— Для сети задание не закончилось.

— Значит, сеть ошибается.

— Или тело для неё не главное.

Я погасил лампу.

В темноте зелёные нити внутри пробирки светились ещё несколько секунд. Затем одна за другой остановились.

Умерли или закончили смену — приборов различить не было.

Снаружи Тая сказала:

— Двадцать минут.

— Пятнадцать.

— Вы всегда торгуетесь временем, которого нет.

— Оно единственное, что у нас осталось для торговли.

— У нас ещё уголь.

— Уже меньше.

Она посмотрела на свёрток с пластиной.

— Нашли полезное?

— Человека меняли четыре раза.

— Нашли, что с этим делать?

— Нет.

— Тогда пока бесполезное.

— Ты когда-нибудь устаёшь быть практичной?

— Когда сплю.

— Не замечал.

— Потому что тоже не спите.

Она пошла к площади, отсчитывая шаги. На этот раз большой палец не двигался.

Двадцать минут она нам всё-таки дала.

Егорка проснулся к вечеру. Температура упала на полградуса. Левый глаз начал различать свет.

— Мать найдёте? — спросил он.

Я проверил повязку.

— Постараемся.

— Это да или нет?

— Это слово, после которого удобно уйти.

Он нахмурился.

— Тогда не говорите.

— Хорошо.

— Найдёте?

— Не знаю.

Егор подумал и кивнул.

— Так лучше.

Нина Лукинична дала нам два мешка угля с мельничного склада. Компенсация за лекарства, которые и так принадлежали ей. В новом мире торговля быстро вернулась к древней форме: человек платил за то, чтобы ему разрешили использовать собственное.

Кочет уже мог стоять, держась за поручень. Ноги подрагивали.

— Поеду у топки, — сказал он.

— Будешь лежать.

— Там тело лежало.

— Теперь не лежит.

— Поэтому место свободно.

— Логично.

Мы вышли из Крапивно в сумерках.

Сорок один человек стоял у площади. Белых кругов больше не было. Нина Лукинична держала компенсационный лист, свёрнутый трубкой.

— Куда нам? — спросила она.

— Здесь оставаться нельзя, — сказала Тая. — Группа вернётся.

— Куда?

— На юг есть Заречье. Три дня пешком.

— Старики не дойдут.

— Найдём телеги, — сказал мужчина без кисти.

— У нас одна лошадь.

— Сделаем смены.

Люди начали обсуждать. Не стройно, не разумно и сразу вдвое громче нужного. Но решали сами. Уже изменение.

Рядом с Ниной Лукиничной стоял Егорка. Она не смогла удержать в постели.

— Вы долго, — сказал он.

— До чего?

— До мамы.

— Не знаю.

— Я помню.

Он протянул мне синюю ленту с кладбища машин.

— Её.

— Зачем?

— Чтобы узнала, что от меня.

— Она тебя знает.

— После них может не знать.

Девятилетний мальчик понял устройство НЗ-1 по одному мёртвому рабочему лучше, чем мы по журналам.

Я взял ленту.

— Верну ей.

— Это опять обещание?

— Да.

— Вы говорили, нельзя.

— Я говорил, неудобно.

— Тогда хорошо.

Мы уехали.

За Крапивно путь поднимался к старому элеватору. Луна освещала рельсы. Свежие следы колонны шли рядом по насыпи: сотни отпечатков, белые клочья лент на кустах, один детский башмак.

Тая подняла его и положила на платформу.

— Для чего? — спросил Кочет.

— Для понимания.

Он не спорил.

Серый ключ показывал Сухую Милю. До расчётного прибытия группы оставалось четырнадцать часов. Мы могли доехать за девять, если котёл выдержит, рельсы не разберут и Мотин прибор не окажется прав.

Первый свисток прозвучал через час.

Кочет посмотрел на нарисованную стрелку второго манометра.

— Два с половиной, — сказал он.

— Всегда.

— Удобно.

— До третьего.

Вера сидела у края платформы. Её губы двигались.

— С кем говоришь? — спросил я.

— С диспетчером.

— Где он?

— Умер.

— Тогда разговор должен быть коротким.

— Он не знает.

Я сел напротив.

— Что именно?

— Что умер.

Карта лежала между нами. На линии к Сухой Миле зажигались старые станции. В каждой на секунду появлялось имя дежурного, дата последней смены и статус.

Все даты — лето 2016 года.

Все статусы — **НА ПОСТУ**.

— Это записи, — сказал я.

— Для сети нет разницы.

— Для тебя должна быть.

Вера подняла глаза.

Зрачки были окружены тонким зелёным кольцом.

— Я помню их дежурства, — сказала она. — Чай в жестяном стакане. Жену одного зовут Валя. Другой боится грозы. Третий украл со склада две пары сапог и умер через час, потому что началось Цветение.

— Это не твои воспоминания.

— Когда вспоминаю, мои.

— Перестань.

— Как?

Я не знал.

Сроковщик умеет отделить плесень от продукта, если между ними есть граница. У Веры границы не было. Сеть входила не как чужое. Она вспоминалась.

Я забрал карту.

Вера дёрнулась следом, но остановилась.

— Не отдавайте до утра, — сказала она.

— Хорошо.

— Даже если попрошу.

— Особенно если попросишь.

Она легла под одеяло. Через минуту её пальцы начали повторять движение стрелочного рычага.

Кочет спал. Тая вела машину. Я держал карту и смотрел на линию.

Точки корректоров исчезли окончательно.

Вместо них на полях путевого листа проступила новая запись. Чернила появились из бумаги, будто всегда лежали внутри:

**ИЗМЕНЕНИЕ МАРШРУТА. СУХАЯ МИЛЯ — ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПРИ-
ЁМКА.**

ПЛАНОВОЕ ПОЛУЧЕНИЕ: 96.

Цифра зачеркнулась.

Ниже возникла другая:

ПЛАНОВОЕ ПОЛУЧЕНИЕ: 100.

Я посчитал нас.

Четверо.

В графе допустимых потерь семнадцать сменилось на девятнадцать.

Округление шло не в нашу пользу.

Второй свисток прозвучал до полуночи.

Котёл держал давление. Кочет дышал. Вера спала чужими дежурствами. Тая гнала «Клопа» на запад, к ловушке, о которой мы знали достаточно, чтобы всё равно в неё ехать.

На горизонте загорелся зелёный семафор.

Потом следующий.

И ещё один.

Сеть открывала нам путь.

За каждый открытый сигнал в путевом листе уже была отведена строка потерь.

Пустая.

Пока.

Глава 3. Контрольная группа

Сухая Миля получила название в год, когда вода ушла из колодцев.

До этого она называлась Мокрой.

Люди всегда стараются давать местам точные имена. Обычно опаздывают.

Мы увидели станцию на рассвете. Кирпичное здание, две водонапорные башни и длинный ряд товарных вагонов, вросших в землю. Между путями стояли палатки. Над площадью поднимался дым. Не костровой — ровный, белый, из трубы полевой кухни.

Пахло мясом.

Кочет проснулся сразу.

— Настоящее? — спросил он.

— Запах настоящий.

— Я про мясо.

— Подъедем — узнаем.

— Поэтому и спросил.

Он уже двигал ногами. Р-6 оставил слабость и покалывание в пальцах, но дыхание выровнялось. Вера проверяла его каждый час, не касаясь кожи. Я следил, чтобы она действительно не касалась. После Крапивно зелёный квадрат на её руке почти исчез, зато вокруг зрачков кольцо стало ярче.

Тая остановила «Клопа» за два километра до станции, в старом песчаном карьере. Оттуда путь шёл по открытой насыпи. Красное ведро над топкой мог не заметить только человек без глаз и привычки к пожарам.

— Дальше пешком, — сказала она.

— Кочет не пройдёт два километра, — ответил я.

— Пройду.

— Ты пятнадцать минут назад просил перевернуть тебя на другой бок.

— Залежался.

— С обеих сторон?

— Симметрично.

Тая разложила на брезенте схему станции. Её срисовали с путевого листа и старой карты. С севера подходила основная линия НЗ-1, с востока — наша ветка, на юг уходил путь к Весовой. Вокруг станции имелись три сухих резервуара, давшие новое название. Один превратили в огород. Второй — в кладбище. Третий был пуст на карте и слишком удобен для засады.

— Корректоры должны прибыть в девять, — сказала Тая.

— Сейчас шесть двадцать, — ответил я.

— Должны были, — поправила Вера.

Она смотрела на дым.

— Они уже там.

— Откуда?

— Полевая кухня относится к составу снабжения. Сеть запустила её в четыре двенадцать.

— Ты спала в четыре двенадцать.

— Диспетчер в Белом Яру зафиксировал расход пара.

— Он умер семьдесят лет назад.

— Да.

Вера произносила такие вещи спокойнее. Я — нет.

— Сколько людей у группы? — спросила Тая.

— Четыре корректора. Двенадцать единиц охраны. Две медицинские. Шесть путевых. Пятеро обслуживают кухню и состав.

- Двадцать девять.
- Двадцать девять функций.
- Людей?
- Вера закрыла глаза.
- Двадцать семь.
- Куда делись два?
- Один на пути. Второй списан ночью.
- Причина?
- Несовместимость обновления.

Кочет сел.

- Это болезнь?

— Это когда человек вспомнил лишнее, — сказала Вера.

Никто не спросил, откуда она знает.

Мы замаскировали «Клоп» сухими ветками и серым полотном. Искрогаситель пришлось снять. Ведро Кочет поставил рядом с котлом вверх дном.

- Если не вернёмся, Мотя всё равно найдёт способ обидеться, — сказал он.

Тая оставила ему два винтовочных патрона из общего пояса и приказала охранять машину. Шестнадцать оставшихся теперь разделились: два у Кочета, четырнадцать при винтовке и у нас. Обрез с двумя своими патронами лежал под сиденьем.

- Я могу идти.
- Можешь. Медленно и заметно.
- Там будет бой.
- Поэтому останешься с транспортом.
- У вас одна винтовка.
- У тебя ноги ватные.
- Уже не ватные.

Кочет встал, сделал три шага и сел на мешок.

- Глиняные, — признал он.

- Охраняй.

Он посмотрел на нас троих.

- Если до полудня не вернётесь?

- Жди до часа, — сказала Тая.

- Потом?

- Уходи на юг.

- Один?

- С «Клопом».

- А вы?

- Мы будем причиной, почему надо уходить.

Кочет не согласился. Тая не спрашивала.

Она сняла серую куртку и вывернула подкладкой наружу. Получилась обычная дорожная одежда без нашивки Затвора. Винтовку завернула в мешковину и привязала к спине. Я спрятал шило в рукав, чёрный ключ — в сапог. Вера оставила серый у Кочета.

- Нет, — сказала она, когда я предложил отдать и карту.

- Сеть видит через неё.

- Я тоже.

- Именно.

- Без карты я слышу больше.

Это был хороший довод оставить карту. И плохой — брать Веру.

Мы завернули её в промасленную ткань и положили под уголь.

- Если загорится? — спросил Кочет.
- Тогда сеть увидит дым.
- Она и так видит.
- Значит, ничего не потеряем.

До станции шли по руслу старой канавы. Земля там потрескалась на крупные пластины. Между ними рос колючий сизый мох — не Цветение, обычный. Я сорвал кусок, растёр между пальцами и понюхал.

- Сейчас не время, — сказала Тая.
- Проверяю направление ветра.
- Можно слюной.
- Слюна содержит бактерии.
- Ветер не жаловался.

Станция просыпалась.

Люди Сухой Мили выходили из домов и шли к площади. На запястьях у каждого белая лента. Не связаны между собой. Номер написан углём. Дети тоже с лентами, даже грудные — у матерей поверх рукава.

Перед зданием станции поставили три стола. За первым записывали имя и возраст. За вторым измеряли рост, вес, температуру. За третьим сидела Лида Сомова.

Живая. Без видимой царапины.

Она брала кровь, осматривала зубы, слушала грудь. Двигалась спокойно, аккуратно и быстро. После каждого человека вытирала руки раствором. На столе лежала деревянная рейка с выемками для пробирок, ампулы Р-6 и листы оценки.

Рядом с ней стоял мужчина в серой форме. Лет пятидесяти, худой, волосы короткие с проседью. Не вооружён. На рукаве круг с четырьмя штрихами, но без номера профиля. Он разговаривал с местным старостой и держал раскрытую папку.

- Нестеров, — прошептала Вера.
- Узнала?
- Помню голос.
- Мы ещё не слышали.
- Поэтому и помню.

Мы вошли в очередь со стороны южной улицы. Никто не проверял, местные ли мы. Корректоры считали общий приход. Лишние люди улучшали отчёт.

У полевой кухни выдавали миски. Каша с мясом. Густая, горячая, без запаха плесени. Люди ели стоя. Некоторые плакали. Не от счастья — от скорости. Организм, привыкший к голоду, получает жир раньше, чем человек успевает придумать достоинство.

- Возьмём? — спросила Тая.
- Пробу.
- Чтобы не выделяться.
- Тем более пробу.

Нам налили три миски. Повар носил серую форму без знака. Лицо молодое, движения старые. На шее круглый шрам от пластины.

Я понюхал кашу.

— Похоже на говядину, крупу, соль и сушёный лук. Постороннего запаха нет. Больше носом не устанавливаю.

- Есть можно? — спросила Тая.
- После проверки.

Она посмотрела на котёл, очередь и людей, которые уже доедали. Потом зачерпнула ложкой.

— Тая.

— Если отравлена, узнаем вместе со всей площадью.

— Очень научно.

— Зато без прибора.

Вера не ела. Смотрела на повара.

— Его зовут Дима.

— Он сказал?

— Нет.

— Ты знаешь всех?

— Только тех, кого обновляли вчера. Они ещё шумят.

— Чем?

— Тем, что забывают.

Повар поднял голову. На секунду встретился с ней взглядом. Ложка в его руке остановилась над котлом.

— Получатель, проходите, — сказал человек из охраны.

Дима снова начал мешать.

Мы отошли.

На стене станции висела большая доска. Мелом:

НАСЕЛЕНИЕ ПО СПИСКУ — 96.

ФАКТИЧЕСКИ ПРИБЫЛО — 103.

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ — 61.

ЛОКАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ — 35.

МЕДИЦИНСКИЕ ПОТЕРИ — ДО 7.

Сто три включали нас.

— Они знают, — сказала Тая.

— Что нас трое лишних — знает человек с мелом.

— Посмотрите ниже.

Под таблицей было дописано:

ОСОБЫЕ ЕДИНИЦЫ — 2.

Тая не считалась.

Нестеров закончил разговор со старостой и поднялся на деревянный настил. Люди продолжали есть. Он не потребовал тишины. Просто ждал, пока его заметят. Один за другим голоса стихли.

— Сухая Миля, — сказал он.

Голос был обычным. Не громкий. Вера вздрогнула.

— Проверка завершена на семьдесят процентов. По текущему расчёту поселение сохраняет статус опорного при условии перемещения шестидесяти одной трудовой единицы. На месте остаются тридцать пять жителей. Им передаётся запас продовольствия на девяносто суток, лекарственный комплект, насос и сменный фильтр для северной скважины.

По толпе прошёл гул.

Фильтр оказался важнее людей. В Сухой Миле вода пахла серой, и половина детей носила жёлтые пятна на зубах.

— Перемещённые будут направлены на западный узел, — продолжил Нестеров. — Семьи сохраняются при совпадении функционального назначения. Дети до двенадцати лет остаются с одним родителем. Подростки учитываются по квалификации.

Женщина возле кухни подняла руку.

— А если муж остаётся, меня забирают?

Лида посмотрела в лист.

— Назовите номер.

— Тридцать восемь.

— Единица 38, швейное производство. Единица 39, повреждение позвоночника, локальное обеспечение.

— Это мой муж.

— Связь учтена.

— Как?

— Вам предложено перемещение. Ему — запас на девяносто суток и место в доме ухода.

— Я не спрашиваю про запас.

Нестеров ответил:

— Если вы останетесь вместе, фильтр не будет передан.

Толпа повернулась к женщине.

Не вся. Достаточно.

Муж сидел на земле у её ног. Одна нога вытянута, другая согнута неправильно. Он взял жену за руку.

— Поезжай, Люсь.

— Заткнись.

— Там шить будешь.

— Я здесь шью.

— Здесь воды нет.

Нестеров не торопил. Правильное давление не нуждается в повышенном голосе.

— Решение принимается до окончания проверки, — сказал он. — Если шестьдесят одна единица не согласится на перемещение, статус пункта будет пересчитан.

— Что значит пересчитан? — спросил староста.

— Фильтр и насос направят в следующий пункт. Продовольственная выдача составит тридцать суток вместо девяноста.

— Почему?

— Ресурс ограничен.

— А люди?

— Тоже.

В этом была сила Нестерова. Он не врал там, где привыкли врать все. Не обещал, что хватит каждому. Не называл дефицит временным. Только складывал людей и вещи в одну таблицу.

— Семнадцать потерь где? — спросил я.

Голос прозвучал громче, чем хотелось.

Нестеров нашёл меня сразу.

— Илья Горин, — сказал он.

Люди расступились. Каша в моей миске остыла.

— В путевом листе Сухой Мили допустимая потеря семнадцать, — продолжил я. — На доске семь. Десять потеряли по дороге?

— Норма уточняется по результатам первичного осмотра.

— Удобно. Сначала объявить семнадцать, потом убить семь и похвалить себя за экономию.

Лида поднялась из-за стола.

— К-17, проследуйте к медицинскому посту.

— Уже был у вашего поста. Кочет до сих пор плохо ходит.

Лица людей повернулись к ней.

— Сопровождающая единица оказала сопротивление, — сказала Лида.

— Сопровождающий человек.

— Термин не меняет состояния.

— Тогда назовите себя единицей.

Она открыла рот.

Закрыла.

В паузе опять было больше Лиды, чем во всех правильных словах.

Нестеров спустился с настила.

— Вы приехали раньше расчёта, — сказал он.

— Мотя подкрутил.

— Кто?

— Человеческий фактор.

— Он снижает предсказуемость.

— Зато повышает давление в котле.

Нестеров остановился в двух шагах. Глаза серые, обычные. На виске шрам, похожий на Лидин, но старый. Под ним угадывался прямоугольник пластины.

— Я предлагаю поговорить без риска для местных, — сказал он.

— Это вы устроили проверку на площади.

— До вашего прибытия риска не было.

— На доске семь медицинских потерь.

— Максимум. Фактических пока ноль.

— В Крапивно пятнадцать.

— При допуске двадцать два.

— Их семьям легче.

— Их семьям выданы лекарства и пищевой резерв.

— Вы забрали фельдшера.

— Его квалификация нужна в западном узле, где он обслужит восемьсот человек вместо сорока одного.

— А Егорке рану обрабатывать некому.

Нестеров не спросил, кто такой Егорка. Лида посмотрела на свой лист.

— Е-031, — сказала она. — Терапия передана локальному персоналу.

— Локального персонала нет.

— Нина Лапина, навыки дозирования и учёта.

— Мельник.

— Обучаема.

— Вы её не обучили.

Лида замолчала.

— Сколько времени вы провели в Крапивно? — спросил Нестеров.

— Пять часов.

— На одного ребёнка и распределение готового комплекта.

— На сорок одного человека.

— Пять часов медицинского профиля Лиды позволят осмотреть сто двадцать. Вы выбрали одного.

— Я был рядом.

— Именно. Система считает не намерение, а результат.

Тая встала левее. Мешковина на её спине соскользнула, показав конец винтовочного ремня. Один из охранников заметил. Нестеров едва качнул головой, и тот отвернулся.

— Что вам нужно? — спросил я.

— К-17 и К-49. Добровольное сопровождение в НЗ-1. Третья подпись находится там.

— Мария Кречетова?

— К-28.

— Она просила не приезжать.

— Сообщение отправлено в период дезориентации после медицинской процедуры.

- Вы её корректировали?
- Стабилизировали.
- Она согласилась?
- Без процедуры умерла бы.
- Не ответ.
- Её согласие не могло быть получено из-за состояния.
- Значит, нет.

Нестеров посмотрел на Веру.

- Вы понимаете лучше него.

— Что?

— Время. Двадцать один день десять часов. Затем К-17 теряет устойчивость. Ваш прогноз сложнее: либо интеграция, либо распад личности до сохранения функции.

- Какая функция? — спросила Вера.

— Региональный оператор.

— А личность?

— Не обязательна для управления.

Вера побледнела.

Я встал между ними. Жест был глупый: голос проходит сквозь человека. Но телу иногда требуется делать хоть что-то.

- Если мы поедem, Затвор не трогаете, — сказал я.

Тая резко повернула голову.

Нестеров ответил без паузы:

— Затвор получает статус локального производственного пункта. Изъятие персонала откладывается до пересчёта после регионального запуска.

— Не трогаете.

— Гарантируется сохранение не менее ста восьмидесяти жителей и пищевой линии.

— Там больше шестисот.

— Именно.

— Остальные?

— Потребность НЗ-1 — четыреста девяносто три единицы.

— Уже четыреста восемьдесят девять, — сказала Тая. — Нас посчитали.

Нестеров посмотрел на неё впервые.

— Сопровождение не входит в потребность производственного персонала.

— Очень успокоили.

— Ваш профиль пригоден для внешней охраны.

— А если не хочу?

— Функция не требует желания.

Тая улыбнулась.

Люди, которые не знали её, могли принять это за хорошее настроение.

— Илья, — сказала она, — переговоры закончились.

— Ещё нет.

— Закончились.

Нестеров не возражал.

— У вас есть время до завершения проверки, — сказал он. — После неё мы продолжим маршрут.

— К Затвору?

— За недостающим персоналом и ключом.

— Зелёный у Заречья.

— Мы знаем.

Вот почему маяк разделился. Приказы двигались не за нами. Один уже шёл к Круглому.
— Если согласимся, — спросила Вера, — люди Сухой Мили останутся?

Нестеров посмотрел на доску.

— Нет. Их перемещение необходимо для запуска западного участка.

— Тогда зачем мы?

— Чтобы участок не остался единственным.

Честный ответ. Ненавидеть его стало сложнее, отказаться — проще.

Нестеров отошёл к столам. Охрана не задержала нас. По площади снова пошёл гул. Люди смотрели уже не на доску, а на нас.

— Вы правда из Затвора? — спросила женщина-швея.

— Да.

— У вас еда есть?

— Сто двадцать банок в день.

— На сколько человек?

— Больше шестисот.

Она покачала головой.

— Это не еда.

— Поэтому и не обещаю.

Её муж на земле спросил:

— А свобода у вас есть?

— Иногда.

— Сколько выдают?

— По потребности власти.

Он засмеялся. Швея — нет.

— Здесь фильтр дадут, — сказала она.

— Дадут.

— И мясо.

— Сегодня.

— А вы что дадите?

— Ничего.

Она посмотрела на миску в моих руках.

— Тогда зачем приехали?

Я мог сказать: спасать. Это было бы неправдой и оскорблением одновременно. Люди Сухой Мили не просили нас до того, как мы привезли выбор без фильтра.

— Посмотреть, что они называют согласием, — ответил я.

— Посмотрели?

— Да.

— И?

— Оно похоже на голод, которому дали ручку для подписи.

Швея взяла мужа под руку.

— А ваш отказ похож на что?

— На голод без ручки.

— Вот и идите.

Она повела его к столу Лиды. Он опирался на костыль и волочил ногу. В списке он оставался. Она уезжала.

Тая стояла рядом.

— Уходим, — сказала она.

— Кочет ждёт до часу.

— До часа нас закроют.

— Надо узнать, где колонна из Крапивно.

— В составе.

Она показала на товарные вагоны. У крайнего виднелись лица за решётчатой дверью. Белые ленты, десятки рук. Людей посадили не тесно. Внутри стояли бочки воды, ведро и лежали тюфяки. Перевозка соответствовала норме.

— Егоркина мать там, — сказал я.

— Там сто двадцать семь человек.

— У меня лента.

— Поэтому её надо найти?

— Поэтому обещал.

— Обещали вернуть ленту. Не мать.

— Очень точное прочтение.

— Учусь у вас.

Вера взяла меня за рукав.

— Не надо идти к вагону.

— Почему?

— Сеть ждёт.

— Чего?

— Решения.

Над станцией ударил колокол. Один раз.

Люди у столов замерли. Охрана закрыла проходы. Нестеров поднял папку.

— Проверка завершена, — сказал он. — Медицинские потери: три. Перемещение: шесть-десять одна единица. Отклонение по прибывшим особым единицам требует отдельного решения.

На доске цифра 103 сменилась на 100.

Нас выкли.

— К-17, К-49, — продолжил Нестеров. — Подтвердите добровольное сопровождение.

Вера дрожала. Не от страха. Под кожей двигалась зелёная сетка, поднимаясь от кистей к шее.

— Не отвечай, — сказал я.

— Если промолчу, сеть посчитает отказ.

— Пусть.

— Тогда Затвор станет чёрным.

— Он и так станет.

— Не сразу.

— Нам не нужно сразу.

— Именно, — сказала Тая. — Нам нужен час.

Она сорвала мешковину с винтовки.

Охрана подняла оружие. Не винтовки — короткие металлические трубки Р-6. Двенадцать стволов. Тая одна.

— Отказ зафиксирован, — сказал Нестеров.

— Я не отказалась, — сказала Вера.

Я повернулся к ней.

— Что?

— Прошу отсрочку до медицинской стабилизации К-17.

На площади стало так тихо, что слышно было кипение кухни.

Нестеров задумался. Или система за него.

— Срок?

— Двадцать четыре часа.

— Обоснование?

Вера посмотрела на меня как врач.

— Острая активация К-линии после контакта с Т-104. Риск утраты носителя при немедленном перемещении — двадцать семь процентов.

Я не чувствовал никакой активации.

Сеть — возможно.

Нестеров подошёл ближе. Вынул из кармана маленький металлический диск и направил на меня. Шрам возле локтя загорелся. Боль прошла до плеча.

Я согнулся.

Вера поддержала.

— Пульс? — спросил Нестеров.

Вера прижала два пальца к моему запястью всего на несколько ударов.

— Около ста тридцати. Ритм неровный.

— Сосудистая реакция?

— Нарастает.

Под моей кожей действительно проступили тёмные линии.

Вера их вызвала. Я понял по тому, как третий палец лёг на шрам: пульс она проверила, но одновременно дала культуре команду.

— Двенадцать часов, — сказал Нестеров.

— Двадцать.

— Шестнадцать.

— И не менять маршрут на Затвор до окончания.

— Маршрут определяется потребностью.

— Тогда риск носителю тридцать пять процентов.

Нестеров посмотрел на неё с чем-то похожим на уважение.

— Восемнадцать часов. Маршрут группы приостановлен. Медицинское наблюдение Лиды.

— Снаружи.

— Визуальный контакт каждые два часа.

— Согласна.

Белая паста на столбе возле станции вспыхнула зелёным.

Сделка записалась.

Боль исчезла. Я выпрямился.

— Ты что сделала? — прошептал я.

— Купила время.

— Моим сердцем.

— Оно было под рукой.

— Очень смешно.

— Я не шутила.

Нестеров вернулся к настилу.

— Перемещение начинается через тридцать минут. Остающиеся получают комплект после отправления состава.

По площади побежали люди. Кто-то обнимался, кто-то собирал вещи, кто-то менялся лентами. Охрана проверяла номера. Швея стояла с мужем у вагона. Он держал её за пальцы, пока позволяла длина руки.

Тая наклонилась ко мне.

— У нас восемнадцать часов и Лида на хвосте.

— Было хуже.

— Когда?

— Пока не вспомнил.

— Значит, не было.

— Надо к вагону.

Она выругалась без украшений.

Мы обошли площадь через кухню. Повар Дима наливал вторую порцию детям, которых оставляли. Увидев Веру, он снова остановился.

— Дима, — сказала она.

Повар побледнел.

— Единица питания П-12.

— Тебя зовут Дима.

— Не подтверждено.

— Ты обжёг левую ладонь в семь лет. Мать мазала сметаной. Остался шрам.

Он уронил половник.

На ладони действительно был шрам.

Охранник повернулся на звук.

— П-12, восстановить функцию.

Дима поднял половник.

— Единица питания П-12. Функция восстановлена.

Но глаза смотрели на ладонь.

— Зачем? — спросил я, когда мы отошли.

— Чтобы слышал имя.

— Теперь ему хуже.

— Да.

— Тогда зачем?

Вера не ответила.

Возле вагона стояли два охранника. Людей заводили по шесть. Каждому выдавали воду и серый пакет еды. Я показал лист оценки Егорки, который забрал в Крапивно.

— Медицинская передача, — сказал я.

Охранник протянул руку.

— Получатель?

— Мать Е-031.

Он нашёл номер в списке.

— Единица 54. Надежда Лапина. Вагон два, место семнадцать.

— Нужна подпись.

— Для чего?

— Ребёнку назначен антибиотик. Родственник должен подтвердить аллергию.

Слово «подтвердить» действовало на систему лучше ключа.

Охранник вызвал Надежду.

Она была моложе, чем я ожидал. Тридцать с небольшим, короткие волосы, разбитая губа. На руке белая лента с номером 54. Увидев лист, она схватила меня за куртку.

— Егор жив?

— Жив. Температура снижается. Рану обработали.

— Глаз?

— Уже различает свет. Больше обещать не буду.

Она закрыла рот рукой.

Я достал синюю ленту.

— Передал.

Надежда прижала её к лицу.

— Он сказал ждать меня?

— Нет. Спросил, найду ли.

— Что вы сказали?

— Не знаю.

Она кивнула, как Егорка.

— Хорошо.

Охранник ждал.

— Были реакции на лекарства? Особенно на антибиотики? — спросил я.

— Не помню. На мёд была сыпь, когда маленький.

Я отметил: «лекарственная аллергия со слов матери не известна».

— Подпишите.

Я протянул путевой лист обратной стороной и карандаш. Надежда взяла. Вместо подписи написала крупно:

НЕ СОГЛАСНА НА ПЕРЕМЕЩЕНИЕ. ВЕРНИТЕ МЕНЯ К СЫНУ.

Охранник прочёл.

— Отказ после приёмки не предусмотрен.

— Я не соглашалась.

— Белая лента подтверждает.

— Вы привязали.

— Не повреждена. Можно снять.

Надежда сорвала ленту и бросила ему под ноги.

— Сняла.

Люди в вагоне зашевелились. Кто-то спросил, можно ли отказаться. Охранник поднял трубку Р-6.

— Восстановить порядок.

Тая ударила его прикладом в локоть.

Трубка выстрелила в землю.

Белое облако накрыло второго охранника. Тот успел сделать шаг, потом сел, как человек, которому предложили стул.

— Пошло, — сказала Тая.

Это был точный диагноз.

Надежда рванула дверь вагона. Изнутри навалились люди. Зашёлка вылетела. Первые шестеро спрыгнули на землю.

Нестеров крикнул:

— Стоять! Компенсационная выдача прекращается при нарушении маршрута!

Половина остановилась.

Не охрана. Фильтр.

Староста Сухой Мили встал перед вагоном.

— Назад! — закричал он. — Вы нас без воды оставите!

Надежда толкнула его.

— Моего сына без матери оставили!

— Тебя одну! А нас тридцать пять!

— Тогда отдайте своих!

— Отдаём!

К площади бежали охранники. Тая сорвала с вешалки возле вагона запасную влажную тряпку и закрыла нос и рот. Я сделал то же. От Р-6 это не защищало надёжно, только уменьшало прямое попадание капель на слизистые. Вера осталась без повязки.

— К кухне! — крикнула Тая. — Ветер оттуда, от нас к площади!

Люди побежали в разные стороны. Кто-то к вагонам, кто-то к домам, кто-то обратно в белые круги, которых здесь не рисовали, но место для них уже было внутри.

Первая струя Р-6 ударила над головами. Вторая попала в толпу.
Люди падали. Не кричали — мышцы выключались раньше страха.
Нестеров стоял на настиле и отдавал короткие команды:
— Охрана, сектор два. Медицинский профиль, к детям. Путевые, закрыть южный выход.
Летальное оружие не применять.
Он действительно не хотел убивать.
Пока цифра позволяла.
Из толпы хлопнул выстрел.
Не Таин. Старый обрез у мужчины в кожаном фартуке. Дробь ударила по настилу. Нестеров отшатнулся. Охранник перед ним принял большую часть в грудь и упал.
На доске медицинские потери сменились с трёх на четыре.
Система считала быстрее крови.
Лида бросилась к раненому. В этот момент из вагона вылетел железный крюк на верёвке. Кто-то метил в охранника, но крюк ударил её под лопатку. Серый мундир порвался. Лида упала на колени.
— Медик! — крикнул Нестеров.
Никто не пришёл. Она была медиком.
Охранник поднял настоящую винтовку.
Нестеров схватил ствол и отвёл вверх. Пуля ушла в крышу станции.
— Летальное не применять!
— Угроза оператору!
— Приказ подтвердить!
Охранник замер.
Этой секунды хватило Тая. Она выбила винтовку, ударила коленом, подхватила выпавшее оружие за ремень и повела нас к кухне.
— Лиду, — сказал я.
— Нет.
— Она ранена.
— Она стреляла в Кочета.
— Поэтому знает препарат.
— Илья!
— Нам нужен врач.
— У нас есть Вера.
— Именно поэтому.
Вера уже бежала к Лиде.
Тая выругалась второй раз за день. Значит, обстановка вышла из рабочего диапазона.
Мы добрались до корректора. Крюк вошёл ниже левой лопатки и застрял. Кровь шла сильно, но не пульсировала; что именно повреждено внутри, на площади определить было нельзя. Лида пыталась подняться и повторяла:
— Функцию восстановить. Функцию восстановить.
— Лежи, — сказал я.
— Медицинский профиль требуется сектору два.
— Сектор два подождёт.
— Потери увеличиваются.
— Ты одна из них.
Она посмотрела на кровь на ладони. Будто увидела впервые.
— Не учтено.
— Исправим.
Мы подняли её. Тая прикрывала. Надежда шла рядом, всё ещё с синей лентой в кулаке.

— Южный выход закрывают, — сказала она.
— Где другой?
— Через сухой резервуар. Там труба к карьере.
— Проходимая?
— Для детей.
— Мы не дети.
— Корректор тоже не лёгкая.
Лида услышала.
— Масса шестьдесят два килограмма.
— Очень вовремя, — сказала Тая.

За кухней стояли мешки с продовольствием. Люди рвали их, набивали карманы, дрались. Повар Дима продолжал мешать котёл. Вокруг падали, кричали и бежали, а он выполнял функцию.

Вера остановилась.
— Дима!
Он повернулся.
— Выключи огонь!
— Единица питания поддерживает выдачу до завершения приёмки.
— Приёмка сорвана.
— Не подтверждено.
Вера подняла руку с зелёным квадратом.
— Подтверждаю. К-49.

Повар замер.
Потом закрыл заслонку.
Пар из кухни перестал идти. По станции один за другим погасли зелёные сигналы.
Нестеров увидел.
— К-49! Отменить команду!

Вера пошатнулась, но ответила:
— Не подтверждаю.

В белой пасте на столбах побежали тёмные трещины.

Охрана остановилась на несколько секунд. Не вся. Двое продолжили стрелять Р-6. Остальные ждали сетевого приказа.

— Бегом! — крикнула Тая.

Надежда повела нас между складами. За нами потянулись ещё человек двадцать. Те, кто успел отказаться. Остальные остались у вагонов и комплектов.

Мы спустились в сухой резервуар. Круглая бетонная чаша метров тридцать в поперечнике. На дне — мусор, кости и тёмное отверстие трубы.

— Туда, — сказала Надежда.

Диаметр меньше метра. Ползти.

Тая посмотрела на людей.

— По одному. Дети первые.

— Нет времени, — сказал мужчина из вагона.

— Поэтому дети первые.

Он хотел спорить. Тая направила винтовку не на него — на край резервуара, где появились охранники.

— Или стойте и считайте.

Детей было пятеро. Их протолкнули в трубу. Потом женщины. Лиду пришлось уложить на плащ и тянуть за ремни. Крюк торчал из спины, цеплялся за бетон. Я обрезал верёвку, но железо оставил: вынуть сейчас — открыть кровотечение.

— Нестеров идёт, — сказала Вера.

— Видишь?

— Слышу.

— Что говорит?

— «Не стрелять в носителей».

— Полезный человек.

— Потом: «сопровождение допустимо потерять полностью».

— Уже меньше.

Тая полезла последней. Я перед ней. Когда ноги скрылись в трубе, по краю резервуара ударила струя Р-6. Облако спустилось вниз, но холодный воздух держал его над дном.

Мы ползли в темноте.

Впереди кричали дети. Сзади металлические скобы звенели под руками охраны. Труба шла с уклоном и была покрыта сухой слизью. Колени скользили. Шило дважды выпадало из рукава.

Лида впереди меня дышала всё тише.

— Не спи, — сказал я.

— Выполняю функцию.

— Какую?

— Медицинскую.

— Сейчас ты груз.

— Некорректная классификация.

— Докажи.

— У сопровождающего после Р-6 возможен поздний отёк лёгких.

Я замер.

— Когда?

— Шесть — двенадцать часов.

— Лечение?

— Кислород. Дексаметазон. Положение с приподнятым изголовьем.

— У нас ничего этого.

— В медицинском комплекте станции.

— Который остался снаружи.

— Да.

— Очень полезный врач.

— Я сообщила.

Тая сзади сказала:

— Ползите.

— У Кочета может быть отёк.

— Поэтому ползите быстрее.

Труба вывела в овраг за карьером. Мы выбирались один за другим, мокрые от конденсата и чужого страха. Надежда пересчитала детей. Тая — взрослых. Двадцать пять жителей Сухой Миля ушли с нами. Из плановых шестидесяти одного.

Остальные сделали другой выбор или не успели.

— К «Клопу» два километра, — сказала Тая. — Идти цепью. Разговоры потом.

Люди смотрели на Лиду.

— Это одна из них, — сказал мужчина в кожаном фартуке. Тот, который стрелял в Нестерова. Обрез он всё ещё держал.

— Вижу, — ответила Тая.

— Бросьте.

— Нет.

— Она нас газом травила.
— Поэтому понесёшь передний ремень.
— Что?
— Ты её ранил?
— Не я. Крюк из вагона.
— Ты стрелял. Теперь руки заняты.
Он не согласился.
Тая забрала обрез и отдала ремень.
— Теперь заняты.
Мы пошли.

Над станцией снова загудел пар. Дима или другой повар открыл заслонку. Сеть восстановила питание. На семафорах зажглись красные огни.

Потом заговорил громкоговоритель. Голос Нестерова дошёл до оврага без крика:

— Илья Горин. Вера Белова. Отсрочка отменена вследствие нарушения условий. Корректирующая группа продолжает маршрут немедленно.

Тая махнула идти быстрее.

— Лида Сомова, — продолжил Нестеров. — Вернитесь к функции. Медицинская помощь гарантирована.

Лида приподняла голову.

— Поворачивайте, — сказала она.
— Куда? — спросил мужчина с ремнём.
— На станцию.
— Тебя там ждут.
— Вас обеспечат.
— Уже обеспечили.

Лида попыталась освободить руку. Вера взяла её за запястье.

— Не трогай, — сказал я.

Поздно.

Зелёный квадрат на Вериной коже вспыхнул. Лида дёрнулась, глаза расширились.

— Оля, — прошептала она.
— Кто? — спросила Вера.

Лида смотрела не на неё. На пустой склон.

— Восемь лет. Красное пальто. Не любит манную кашу.

Потом лицо снова стало спокойным.

— Корректор медицинского профиля Лида Сомова. Требую вернуть к функции.

Вера отпустила.

— У неё есть дочь, — сказала она.
— Была, — ответила Лида.
— Где?
— Информация удалена как конфликтующая.

Мужчина впереди перестал тянуть ремень.

— Ползи сама.

Лида попробовала подняться. Кровь пропитала куртку.

Я встал рядом с женщиной.

— Если бросим, она умрёт.
— И что?
— Ничего. Просто это будет наше решение, не их норма.
— Она бы меня бросила.
— Да.

— Тогда почему я должен?

— Не должен.

Он смотрел на меня, ожидая продолжения.

— Всё?

— Всё.

Мужчина поднял ремень.

— Ненавижу умных.

— Я сроковщик.

— Ещё хуже.

До карьера дошли все двадцать шесть: двадцать пять жителей и Лида. Нас троих Тая в число спасённых не включила. Лида считалась отдельно. По привычке.

Кочета возле «Клопа» не было.

На мешке лежал нож Шила. Рядом записка, прижатая гайкой:

«ПОШЁЛ НАВСТРЕЧУ. ЕСЛИ ВЕРНУСЬ РАНЬШЕ ВАС — НЕ СТРЕЛЯЙТЕ».

Тая прочла и закрыла глаза.

— Глиняные ноги, — сказал я.

— Глиняная голова.

Из-за кустов донёсся треск.

Тая подняла винтовку.

— Не стрелять! — крикнул Кочет.

Он появился на склоне, опираясь на длинную ветку. За ним шли трое детей и старик. Один ребёнок кашлял и держался за грудь.

— Нашёл у северного выхода, — сказал Кочет. — Их газом накрыло.

Тая подошла и ударила его ладонью по лицу.

Не сильно. Голова осталась на месте.

— За что? — спросил он.

— Чтобы отёк проверить.

— Как?

— Если ругаешься — дышишь.

Кочет выругался.

— Проверен, — сказала Тая.

Мы погрузили людей на вагон.

Места не хватило. Две бочки воды пришлось снять с грузового места. Одну оставили у карьера. Вторую открыли, напоили всех и вернули на низкий вагон; в ней осталось около ста девяноста литров. Угля стало меньше ещё на мешок: вместо него легла Лида. Тая закрепила её между тюками, я наложил давящую повязку вокруг крюка.

— Выньте, — сказала Лида.

— На ходу не буду. Крюк может пока тампонировать сосуд; выдернем — кровотечение усилится.

— По траектории повреждение мышечное.

— По траектории снаружи. Внутри мы не видим.

— Нестерильное инородное тело увеличивает риск инфекции.

— Поэтому доживи до места, где его можно удалить и сразу остановить кровь.

— Верните на станцию.

— Там стерильно?

— Да.

— Тогда почему у вас люди умирают после укола?

Лида не ответила.

Надежда сидела рядом с ней. Синюю ленту повязала на собственное запястье вместо белой.

— Если доберёмся до Крапивно, — сказала она, — останусь.

— Группа туда вернётся, — ответила Тая.

— Егор там.

— Поэтому ему тоже надо уходить.

— Куда?

Никто не знал.

«Клоп» тронулся с перегрузом. Колёса скрипели. Красное ведро Кочет не поставил — искры летели в сухую траву. Тая шла рядом и тушила сапогом. Через полкилометра дорога вошла в голый камень.

За нами из Сухой Мили вышел состав.

Сначала дым. Потом гудок. Низкий, заводской, не похожий на хрип «Клопа».

На восточном склоне показался локомотив. Чёрный корпус, белая кабина, четыре вагона.

Перед ним маленькая путевая машина очищала рельсы от Цветения.

— Быстрее, — сказала Тая.

— Котёл и так на трёх, — ответил Кочет.

— Манометр показывает два с половиной.

— Второй.

Первый дрожал у красной черты.

Мотин клапан свистнул второй раз.

Мы переглянулись.

— После третьего менять, — сказал Кочет.

— На ходу нельзя.

— Мотя не говорил.

— Потому что для него можно.

Состав приближался. Он вёз людей из Крапивно, людей Сухой Мили, фильтр, лекарства и расчёт, в котором наше спасение уже стояло в графе расходов.

На платформе у локомотива стоял Нестеров. В руке — сигнальный диск.

Громкоговоритель передал его голос:

— Остановитесь. Медицинский профиль повреждён. Перевозка создаёт недопустимый риск.

Я посмотрел на Лиду.

— Слышишь? Ты стала недопустимой.

— Риск для функции, — ответила она.

— Почти человек.

Нестеров продолжил:

— Двадцать девять самовольно перемещённых жителей будут возвращены. Сопротивление изменит статус Сухой Мили и Крапивно.

Мужчина в фартуке закричал в сторону состава:

— Подавись своим статусом!

Нестеров не услышал. Зато остальные слышали и поддерживали. Ненадолго люди на вагоне перестали быть списком. Стали толпой. В толпе тоже мало хорошего, но она хотя бы шумит сама.

Вера держалась за борт. Зелёные линии поднялись к подбородку.

— Он переводит стрелку впереди, — сказала она.

— Куда?

— На затопленную ветку.

— Можно остановить?

- Попробую.
- Нет, — сказал я.
- Если не остановлю, уйдём в низину.
- Там вода?
- Была.
- Сколько?
- Сеть не знает. Датчик молчит с две тысячи шестнадцатого.
- Тая забралась на платформу.
- Пусть переводит.
- Это ловушка, — сказала Вера.
- Для их тяжёлого состава тоже.
- Они остановятся.
- А мы нет.
- Почему?

Тая посмотрела на перегруженный вагон, раненую Лиду, детей и одну оставшуюся бочку воды.

- Потому что у нас нет тормозов для такого веса.
- Впереди показалась развилка.

Стрелка медленно легла на левый путь. Рельсы уходили вниз, между чёрными каменными стенами. На старой табличке сохранилось слово:

ЗАТОПЛЕНИЕ.

Кочет открыл пар полностью.
Третий свисток прозвучал в тот момент, когда «Клоп» вошёл на стрелку.
Мотина красная черта исчезла под стрелкой настоящего манометра.
За спиной загудел состав Нестерова.
Впереди рельсы ныряли в воду.

Глава 4. Плановый отход

Вода на железной дороге опасна не глубиной.

Глубину можно измерить.

Опасно то, чего под водой больше не видно: шпалы, размытый грунт, разошедшийся стык, чужая идея повернуть стрелку.

Первые десять метров «Клоп» прошёл по ступицы. Потом вода поднялась до осей.

Паровая машина не боялась намочить колёса. Люди на вагоне боялись за неё достаточно.

— Медленнее! — крикнул я Кочету.

— Сзади быстрее!

— Давление сейчас уйдёт за красную черту!

— Тогда сзади не догонят!

Третий свисток не прекращался. Новый клапан Моти выпускал пар тонкой белой струёй. Корпус дрожал. Резьба держалась, но вокруг неё появилась тёмная полоска конденсата.

Впереди путь уходил под воду. Каменные стены сближались, превращая ветку в корыто. На них сохранились отметки прежних уровней. Самая высокая — на два метра выше наших голов.

— Тая! — позвал я.

Она была на заднем конце вагона и смотрела на состав Нестерова. Тяжёлый локомотив остановился перед стрелкой. Путевая машина уже сходила на левую ветку.

— Они не идут! — ответила Тая.

— Умные.

— Поэтому пошлют других.

Путевая машина двигалась за нами без людей. Низкая, на четырёх колёсах, спереди вращались ножи. На площадке лежали две трубки Р-6 и круглый сигнальный диск. Управляла сеть.

— Может стрелять? — спросил Кочет.

— Всё может, если Мотя не собирал, — сказал я.

— Очень ободряюще.

Первый манометр зашёл за красную черту.

Я закрыл пар к цилиндрам. «Клоп» потерял тягу, но продолжал катиться под уклон. Вода поднялась до нижнего края платформы.

— Зачем закрыл? — спросил Кочет.

— Перевожу сброс на запасной клапан.

— На ходу?

— Ты сам сказал, Мотя не запрещал.

— Это была шутка.

— Поздно.

Старый клапан лежал в ящике под инструментом. Мотя оставил рядом латунный переходник и Т-образный переключающий блок: временная ремонтная ветка, которую можно подключить до отключения неисправной. Чтобы добраться, пришлось снять с крышки сидевшего ребёнка, с мешка — голову спящего старика, с ящика — чужую ногу. Вагон был набит людьми так плотно, что любое действие требовало общего решения.

— Освободить проход! — крикнул я.

Никто не двинулся. Прохода не существовало.

Тая поднялась на борт.

— Дети к передней стенке. Кто может стоять — встать. Раненые остаются. Воду передать вперёд. Уголь назад.

Люди подчинились.

Не потому, что приказ был лучше моего. Он был понятен. Командование начинается там, где глагол помещается в одно действие.

Я добрался до ящика. Старый клапан оказался завёрнут в промасленную тряпку. Мотя приложил записку:

«РЕЗЬБУ НЕ СОРВИТЕ».

Полезно.

Я взял ключ и полез к котлу.

— Давление? — спросила Тая.

— Падает.

— Скорость?

— Тоже.

Путевая машина сзади входила в воду. Ножи подняли серые брызги. Расстояние сокращалось.

Кочет держал рычаг хода одной рукой, второй цеплялся за поручень. Лицо бледное, губы синели.

— Дышать тяжело? — спросил я.

— Нормально.

— Это не ответ.

— Тогда тяжело.

Поздний отёк после Р-6.

Очень вовремя. Болезни вообще соблюдают только собственный график.

— Вера!

Она сидела рядом с Лидой. Раненая корректор была в сознании, но взгляд плыл. Крюк продолжал торчать из спины. Повязка промокла.

— Кочет, — сказал я. — Лёгкие.

Вера подползла, послушала грудь ухом. Слева влажные хрипы.

— Нужен дексаметазон, — сказала она.

— Знаю.

— У нас нет.

— Тоже знаю.

Лида повернула голову.

— Есть.

— Где?

— Медицинский комплект.

— Он на станции.

— Личный резерв. Левая голень.

Тая разрежала ножом серую штанину. Под тканью обнаружился плоский футляр, приклеенный к коже. Три ампулы, два шприца, жгут, игла и маленькая белая капсула.

— Доза? — спросила Вера.

— Восемь миллиграммов внутримышечно. Повтор через четыре часа при сохранении симптомов.

— Почему не сказала раньше?

— Не спрашивали.

Кочет попытался засмеяться и закашлялся.

— Хороший врач.

Вера ввела препарат. Кочет лёг, насколько позволял рычаг.

— Машину кто поведёт? — спросил он.

— Она сама катится, — ответил я.

— Вот это и пугает.

Я обернул переходник мокрой тряпкой. Металл обжёт даже через неё: тепло шло по корпусу от котла. Мы с Таяй вкрутили блок в свободное гнездо коллектора, поставили старый клапан на запасную ветку и только потом открыли её. Латунь заскрипела; из неплотного соединения пар полоснул по моей ладони. Кожа побелела.

— Блядь.

Вера дёрнулась ко мне.

— Не трогай.

— Ожог.

— Вижу.

— Тогда зачем держите?

— Потому что соединение не село.

Тая сунула второй ключ в паз. Мы дотянули гайку вдвоём. Утечка стала тоньше. Я закрыл ветку к новому клапану и открыл запасную полностью. Неисправный клапан ещё свистел остаточным паром из короткого изолированного участка. Откручивать его на ходу я не собирался даже ради Моти.

— Держите ровно, — сказал Кочет.

— Очень своевременно.

— Мотя просил резьбу не сорвать.

— Передай ему, что прочли.

Тая прижала ключ. Я сделал последний оборот.

Свист оборвался.

На секунду стало тихо. Только вода плескалась о вагон и люди дышали.

Потом сзади щёлкнула трубка Р-6.

Белая струя ударила в задний борт. Тая толкнула людей вниз. Облако прошло над головами и смешалось с паром.

Путевая машина была в тридцати метрах.

— Можно прострелить диск? — спросил я.

— Можно, — сказала Тая.

— Попадёшь?

— Нет.

— Почему?

— Вода качает. Диск маленький. Патронов мало.

— Честно.

— Могу прострелить трубку.

— Попадёшь?

— Нет.

— Тогда что можешь?

Тая посмотрела на мешки угля у задней стенки.

— Накормить.

Люди передали назад два мешка. Тая разрежала первый и высыпала на рельсы. Мокрые куски легли между колёсами путевой машины. Ножи раздробили их, но скорость упала. Второй мешок она не резала — столкнула целиком.

Мешок намотало на ось.

Машина дёрнулась. Переднее колесо сошло с рельса и ударилось о шпалу. Трубка Р-6 выстрелила вверх. Сигнальный диск отлетел в воду.

— Минус два дня пути, — сказал я.

— Плюс жизнь, — ответила Тая.

— Чья?

— Пока общая.

Путь впереди выровнялся. Вода начала спадать. Кочет открыл пар. Давление набиралось медленно. Старый клапан держал.

Состав Нестерова остался у развилки. Локомотив дал длинный гудок. На каменных стенах включились старые громкоговорители.

— Повреждение инфраструктуры зафиксировано, — сказал голос Нестерова. — Стоимость будет учтена при распределении.

Мужчина в фартуке показал стене кулак.

— Запиши на меня!

Громкоговоритель ответил:

— Личность не идентифицирована.

— Гаврила Корнеев!

— Единица 72. Кузнечный профиль. Перемещение подтверждено.

Гаврила замолчал.

— Видишь, — сказал я. — Записали.

Он сел на борт.

— Не смешно.

— Поэтому и говорю.

Вода сошла до ступиц. Каменные стены разошлись. Впереди показался старый мост через низину. Половина настила просела, но рельсы сохранялись.

Тая посмотрела на вагон.

— Всех вперёд.

— Куда ещё вперёд? — спросил Гаврила.

— На платформу машины.

— Там места нет.

— Сделаем.

Она приказала перенести детей к котлу, взрослых поставить вдоль бортов, раненых уложить на мешки у топки. Низкий вагон освободили от людей. На нём остались уголь, инструменты, одна неполная бочка воды, еда, одеяла, резервный подсумок с четырьмя винтовочными патронами и часть аптечки. Обе винтовки Тая велела перенести к людям.

— Зачем? — спросил Кочет.

— Мост не выдержит оба.

— Откуда знаешь?

— Не знаю.

— Илья обычно говорит это честно.

— Поэтому теперь моя очередь.

Кочет осмотрел мост. Два пролёта, средняя опора наклонилась. На шпалах белел свежий след Цветения. Вода под мостом была не глубокой, но дно — вязкая серая масса. Если вагон сойдёт, люди окажутся в культуре.

— Можно перейти пешком, — сказала Надежда.

— Можно, — ответила Тая. — Путевая машина задержана. Состав обойдёт через южную дугу за три часа. Пешком с детьми мы потратим четыре.

— А на машине?

— Если мост выдержит — двадцать минут.

— Если нет?

— Нисколько.

Люди смотрели на неё.

Тая не уговаривала.

— Кто хочет идти пешком, остаётся здесь, — сказала она. — Дорога по верхнему склону. Воды нет. До ближайшего жилья сорок километров.

Никто не сошёл.

— Это согласие? — спросил Гаврила.

— Нет, — ответила Тая. — Это выбор из плохого и хуже.

— А разница?

— Я не называю его добровольным.

Она взяла топор и подошла к сцепке низкого вагона.

— Если мост начнёт уходить, рубим палец и бросаем груз.

— Палец? — спросил я.

— Сцепной палец.

— Уточняй при Кочете. Он нервный.

— Я дышу, — сказал Кочет. — Мне всё равно.

Мы тронулись.

Первый пролёт звенел. Каждая шпала прогибалась и возвращалась. «Клоп» шёл шагом. Люди стояли так тесно, что никто не мог упасть отдельно.

На середине мост просел.

Не резко. Сначала ушёл левый рельс, потом правый. Платформа накренилась. Люди качнулись. Котёл зашипел.

— Стоять! — крикнула Тая.

Кочет закрыл пар.

Низкий вагон ещё оставался на первом пролёте. Его вес тянул нас назад. Средняя опора скрипела.

— Груз выбрасывать! — сказала Тая.

Гаврила и ещё двое полезли к сцепке.

— Сначала бочку, — сказал я.

— Некогда.

— Вода нужна.

— Люди нужнее.

— Без воды тоже недолго люди.

— Илья!

Я понял.

Понимание вообще приходит быстрее, когда под ногами рушится мост.

Тая ударила топором по фиксатору. Раз. Металл только блеснул. Второй удар выбил скобу. Гаврила потянул палец клещами.

Вагон дёрнулся. Сцепка закусила.

— Назад подать! — крикнул он.

— Нельзя, — ответил Кочет. — Уйдём вместе.

— Тогда вперёд!

— Давление низкое!

Мост просел ещё на ладонь. Вода под ним вздулась серыми пузырями.

Лида застонала. Не от раны. Под её кожей возле виска мигала пластина.

— Плановый сброс груза, — сказала она. — Подтвердить.

— Что? — спросила Вера.

— Центральный узел предлагает отсоединение вагона.

— Мы и так отсоединяем.

— Подтвердить ключом.

— Ключ у Кочета.

— Дистанционное подтверждение К-49 доступно.

Вера закрыла глаза.

Сцепной палец вышел сам.

Не механически. Белая культура на металле сжалась, вытолкнула его из отверстия и рассыпалась.

Низкий вагон покатился назад.

— Тормоз! — крикнул Гаврила.

Тормоза на нём не было.

Вагон набрал скорость, прошёл первый пролёт, сошёл на просевшем стыке и опрокинулся в низину. Бочка лопнула. Вода растеклась по Цветению и сразу покрылась белой пеной. Мешки угля исчезли в серой массе. Ящик инструментов ударился о камень, раскрылся, потом его затянуло.

Одеяла плавали дольше всего.

— Всё, — сказал Кочет.

У нас остались люди, котёл, шило, две винтовки, двенадцать винтовочных патронов, два патрона Кочета к обреза, Гаврилин обрез после одного выстрела, две ампулы дексаметазона и примерно сутки еды в карманах.

Очень чистый расчёт.

— Сколько точно? — спросила Тая.

— Чего?

— Потеряли.

Мост продолжал скрипеть. «Клоп» ещё стоял на середине. Не лучшее место для инвентаризации, но другого могло не быть.

Я перечислял по памяти. Гаврила поправлял инструменты. Надежда — еду. Лида называла аптечку.

Уголь — девять мешков, около четырёхсот килограммов.

Вода — неполная двухсотлитровая бочка, около ста девяноста литров перед мостом.

Крупа — пятьдесят семь килограммов.

Сухари — двадцать один.

Соль — один мешок.

Одеяла — двадцать восемь.

Два топора, кузнечные клещи, набор ключей, ручная дрель, запасные накладки на тормоза, тридцать метров троса.

Аптечка: антибиотики на шесть курсов, перевязка на сорок ран, обезболивание, один кислородный патрон, четыре ампулы дексаметазона. Две ампулы и часть бинтов Лида успела взять на платформу.

— Кислородный патрон там? — спросил Кочет.

— Да.

Он посмотрел на свои руки. Дыхание свистело.

— Нормально.

— Нет, — сказала Лида.

— Уже потеряли.

— От этого не нормально.

Надежда назвала то, что мы забыли:

— Детская одежда. Три пары обуви. Моя синяя лента запасная. Письма.

— Какие письма? — спросила Тая.

— От людей в составе. Передать, если кто доберётся домой.

— Сколько?

— Семнадцать.

— Имена помнишь?

— Четыре.

Лида открыла список перемещённых. Назвала остальных. Мы записали на обороте маршрутной схемы. Не содержание — только отправителей и адресатов.

— Письма утонули, — сказал Гаврила.

— Значит, передадим, что были, — ответила Надежда.

— Это не одно и то же.

— Поэтому запишем потерю.

У мальчика в красной шапке в вагоне осталась деревянная игрушка. У женщины из Крапивно — фотография мужа. У Гаврилы — запасной кузнечный молоток, которым работал отец.

— Молоток ресурс? — спросила Вера.

— Инструмент.

— Тогда записывать вместе с ключами.

— Нет, — сказал Гаврила. — Ключи можно заменить. Этот нет.

— Функция одинаковая.

— Для гвоздя.

Мы сделали две колонки.

МОЖНО ЗАМЕНИТЬ.

НЕЛЬЗЯ ЗАМЕНИТЬ.

Еда, вода, лекарства стояли в первой, хотя сейчас заменить было нечем. Письма, фотография, молоток — во второй. Надежда подумала и перенесла детскую обувь в первую. Ребёнок не согласился: одна пара была брата.

Оставили между колонками.

— И люди? — спросила Вера.

— Все здесь, — сказала Тая.

— Поэтому в потери не входят.

— Пока.

— Если кто-то умрёт без антибиотика, он потерян на мосту или потом?

Никто не ответил.

Нестеров ответил из стены вагона:

— Причинная доля потери медицинского ресурса будет учтена в итоговом анализе.

— Подслушивает, — сказал Гаврила.

— Считает, — ответила Вера.

— Пусть назовёт сейчас.

— Вероятность дополнительных потерь группы после сброса груза: от четырёх до одиннадцати единиц в течение семи суток.

Люди замолчали.

Тая посмотрела на детей, раненых, Кочета.

— До сброса?

— От одной до трёх единиц при условии сохранения маршрута.

— Значит, мы спасли мост и добавили восемь смертей.

— Потенциально.

— Можно было перевести груз вручную?

— Расчётное время — двадцать семь минут. Вероятность разрушения моста до завершения — восемьдесят два процента. Потери — от двадцати одной до сорока семи единиц.

— Поэтому предложил сброс.

— Да.

— Почему не сказал про семь дней?

— Решение требовалось немедленно. Подробный прогноз снизил бы скорость исполнения.

— То есть выбрал за нас, что знать.

— Предложение не было обязательным. К-49 подтвердила.

Вера смотрела на руки.

— Я подтвердила без цифр.

— Цифры не изменили бы ближайший оптимальный выбор.

— Для вас.

— Для сохранения максимального числа людей.

— А для писем?

Нестеров не ответил. В его модели письма не влияли на выживаемость.

Я написал под двумя колонками:

**РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО БЕЗ ПОЛНОГО ПРОГНОЗА. ПОДТВЕРДИЛА ВЕРА
К-49. ПРЕДЛОЖИЛ НЕСТЕРОВ. ВЫПОЛНИЛИ ВСЕ, КТО РУБИЛ СЦЕПКУ.**

— Зачем моё имя? — спросила Вера.

— Чтобы не осталось только «плановый сброс».

— А если люди умрут?

— Допишем.

— Это не поможет.

— Нет.

— Тогда зачем?

— Чтобы следующий раз знали, что спросить до топора.

Освобождённый «Клоп» качнулся вперёд. Кочет дал пар. Колёса с трудом поднялись по просевшим рельсам.

Мы прошли мост.

За последней осью средняя опора сложилась. Рельсы провисли и коснулись воды.

Путь назад закрылся.

Люди начали смеяться. Нервно, громко, без общей причины. Один ребёнок заплакал от их смеха. Другой тоже засмеялся.

Тая села возле котла.

Руки у неё дрожали.

— Командир, — сказал Кочет.

— Заткнись.

— Правильный приказ.

Она посмотрела на него.

— Дышишь?

— Уже лучше.

— Тогда заткнись лучше.

— Есть.

Я перевязал обожжённую ладонь. Кожа покрылась пузырями. Вера держала бинт, не касаясь меня пальцами.

— Палец вытолкнула ты? — спросил я.

— Сеть.

— По твоей команде.

— Я согласилась на сброс.

— Быстро.

— Мост падал.

— Поэтому правильно.

— Вы недовольны?

— Я считаю, что потеряли.

— Груз.

— Воду, уголь, еду, инструменты.

— Не людей.

— Пока.

Вера затянула узел сильнее нужного.

— Всегда будет «пока»?

— Пока да.

Она отпустила бинт.

— Нестеров тоже считает после каждого решения.

— Знаю.

— Тогда чем вы отличаетесь?

Я посмотрел на вагон внизу. На расплывающуюся воду. На людей, которые стояли вокруг нас и слушали.

— Я записываю, что именно потеряли.

— Он тоже.

— Тогда ничем.

Ответ не понравился ей. Мне тоже. Поэтому был полезен.

Гаврила подошёл к Тае.

— Куда теперь?

— Вдоль линии до санаторного разъезда. Там должен быть старый водосбор.

— Должен?

— На карте есть.

— Воды нет даже в Сухой Миле.

— Поэтому называется санаторным. Там ввали раньше нас.

— А потом?

— Весовая на юге. Заречье восточнее.

— Мы к Заречью.

Надежда сказала:

— Я к Крапивно.

— Мост разрушен, — ответила Тая.

— Есть верхняя дорога.

— За нами корректоры.

— У меня сын.

— Если пойдёшь сейчас, приведёшь их к нему.

— А если с вами?

— Они и так идут за нами.

— Значит, отведёте дальше. Потом вернусь.

— Если сможешь.

Надежда сжала синюю ленту.

— Я уже один раз согласилась ради него. Больше за него не решаю.

Тая кивнула.

— До санаторного разъезда вместе. Там выбираете сами.

— А дети?

— С родителями.

— У двоих родители в составе.

Тая посмотрела на пятерых детей. Самому младшему лет шесть. Он держал за руку старшую девочку, не родственницу.

— Тогда со взрослыми, которых знают.

— А если не знают никого?

— Со мной, — сказала Надежда.

Её никто не назначал. Поэтому решение имело шанс работать.

Мы ехали ещё час. Скорость — не больше восьми километров. Уголь оставался только в топочном ящике: на четыре, максимум пять часов. Потом «Клоп» превращался в тяжёлую мебель на рельсах.

Солнце поднялось. Камень нагрелся. Люди сняли верхнюю одежду, развесили на бортах. Серые куртки, коричневые рубахи, детское красное пальто.

Лида увидела пальто и перестала дышать.

Не потеряла сознание. Просто задержала вдох. Глаза стали широкими.

— Оля, — сказала она.

Девочка лет семи, которой принадлежало пальто, испугалась.

— Я Наста.

Лида потянулась к ней.

— Красное. Ты не любишь кашу.

— Люблю.

— Манную не любишь.

— Не знаю такую.

Надежда закрыла девочку собой.

— Не трогай.

Лида опустила руку.

— Ошибка идентификации.

— Кто Оля? — спросила Вера.

— Информация удалена.

— Ты помнишь пальто.

— Сенсорная реакция не подтверждает биографическую связь.

— А ненависть к каше?

— Поведенческий шум.

— Очень удобное слово, — сказал я.

Лида посмотрела на меня.

— Вы называете запах основанием брака.

— Иногда.

— Запах тоже сенсорный шум.

— Пока от него люди не умирают.

— От запаха нет.

— От того, что за ним.

— Тогда память о пальто не является дочерью.

— Нет. Но может указывать, где искать.

Она закрыла глаза.

— Искать не требуется.

— Кому?

— Функции.

— А Лиде?

Пластина на виске мигнула. Лицо исказилось от боли.

— Не используйте имя.

— Почему?

— Создаёт конфликт.

— Лида.

Она выгнулась, крюк сдвинулся в ране. Кровь пошла сильнее.

— Хватит, — сказала Вера.

— Хотел проверить.

— Проверили.

Я поправил повязку.

— Кто поставил пластину?

— Центральный медицинский сектор.

— Нестеров?

— Подтвердил.

— Сколько коррекций?

— Информация профиля закрыта.

Я достал пластину Т-104. Показал четыре квадрата.

Лида отвернулась.

— Знаешь, что это?

— Материал принадлежит центральному узлу.

— Был в человеке.

— Человек принадлежал центральному узлу.

Гаврила наклонился.

— А ты?

— Корректор медицинского профиля.

— Не спросил функцию. Принадлежишь?

— Да.

— Тогда зачем тебя спасаем?

Лида ответила:

— Это нецелесообразно.

— Сама говорит.

— Потому и спасаем, — сказала Надежда. — Чтобы потом не говорила.

Гаврила посмотрел на неё.

— Ты десять минут назад хотела к сыну.

— И сейчас хочу.

— Тогда зачем корректор?

— Она знает дорогу. Лекарства. Людей. И моё имя у неё в листе.

— Хочешь отомстить?

— Хочу, чтобы произнесла.

Надежда села рядом с Лидой.

— Как меня зовут?

— Единица 54.

— Имя.

— Не требуется.

— Надежда Лапина.

— Биографические сведения не используются после приёма.

— Вот пока не используешь, будешь ехать с нами.

Лида открыла глаза.

— Вы угрожаете медицинской помощью?

— Нет. Знакомством.

Кочет засмеялся и снова закашлялся.

Дексаметазон помогал. Хрипы стали слабее, но температура поднялась. Я отмерил ему воду из фляги. Остальным выдавали по два глотка каждый час. Тая записывала мелом на борту: время, количество, остаток.

— Вы теперь сроковщик? — спросил я.

— Командир.

— Кто назначил?

— Мост.

— Надолго?

— До следующего.

Через полчаса уголь закончился.

Не весь сразу. Последние куски всегда притворяются запасом дольше, чем способны гореть. Кочет сгреб их к центру топки, подложил щепу из ящика и даже пустую Мотину записку. Давление продержалось ещё восемь минут.

Потом стрелка поползла вниз.

«Клоп» замедлился у сигнальной будки. До санаторного разъезда оставалось одиннадцать километров. Вокруг — камень, сухая трава и телеграфные столбы. Деревянные, но пропитанные чем-то таким, от чего даже Цветение обходило их стороной.

— Столбы, — сказал Гаврила.

— Нельзя, — ответила Вера.

— Почему?

— Сеть потеряет линию связи.

— Она за нами гонится по этой линии.

— Тем более нельзя, — сказал Кочет. — Без неё не узнаем, где они.

— С углём мы тоже узнаем, — ответил Гаврила. — Когда догонят.

Тая осмотрела будку. Крыша железная, стены кирпичные, внутри деревянные полки, стол, два стула и шкаф.

— Мебель, — сказала она.

— Хватит на четыре километра, — ответил Кочет.

— Дверь.

— Ещё на два.

— Пол.

— На три, если сухой.

— Остальное руками.

— Машину?

— Нас.

Она разделила людей. Десять взрослых пошли к будке разбирать дерево, четверо остались с детьми, двое смотрели путь, Надежда и Вера занимались ранеными. Гаврила возглавил разборку без назначения. Кузнечный профиль наконец совпал с человеком.

Стол он расколол одним ударом обуха.

— Хорошая мебель, — сказал я.

— Была.

— Можно было снять ножки.

— Долго.

— Теперь занозы.

— Горят одинаково.

— Сроковщик бы не согласился.

— Поэтому сроковщик таскает.

Мне дали охапку досок. Обожжённая ладонь не держала, пришлось прижимать локтем. Полезность человека зависит не от профиля, а от того, кто рядом успел заметить его бесполезность.

В будке я обнаружил шкаф с путевыми журналами. Бумага сухая, страницы плотно исписаны. Отличное топливо.

Я взял первый журнал.

Последняя запись — 17 июля 2016 года.

11:40. ПРОХОЖДЕНИЕ СОСТАВА 419. ДВИЖЕНИЕ ПО ГЛАВНОМУ.

11:53. СВЯЗЬ С СУХОЙ МИЛЕЙ ПОТЕРЯНА.

12:06. НА ПУТИ БЕЛАЯ МАССА. РАСТЁТ.

12:14. ДИСПЕТЧЕР ПРИКАЗАЛ НЕ ПОКИДАТЬ ПОСТ.

Ниже другим почерком:

12:31. ТОЛЯ УШЁЛ. Я ОСТАЛСЯ.

И последняя строка:

**12:48. ЕСЛИ КТО ПРОЧТЁТ, В ШКАФУ КЛЮЧ ОТ НАСОСА В САНАТОРИИ.
НАТАША, Я НЕ ТРУС.**

Я открыл нижний ящик. Там лежал латунный ключ на деревянной бирке «НАСОС-2».

— Нашёл воду, — сказал я.

Гаврила перестал ломать полку.

— Где?

— В одиннадцати километрах.

— Очень близко.

— Если стол хорошо горит.

Я положил ключ в карман, журнал — отдельно.

— Это тоже сжечь? — спросил Гаврила.

— Нет.

— Почему?

— Человек оставил сообщение.

— Наташе?

— Нам.

— Нам он ничего не писал.

— Ключ написал.

Гаврила вздохнул.

— Очень тяжело с вами мебель разбирать.

Остальные журналы ушли в топку. Я проверил каждый. Полезных записей не нашлось. Тридцать лет движения поездов превратились в тепло на девять минут. История хорошо горит, если не читать слишком внимательно.

Кочет разжёл полки. Лакированное дерево коптило. Искрогасителя не было, над «Клопом» пошли чёрные хлопья.

— Сухой цвет подождём, — сказал я.

— Тут камень.

— Дальше трава.

— Дальше потушим.

— Чем?

Он посмотрел на пустое место, где раньше стояла бочка.

— Ногами.

Мотя нашёл бы в этом профессиональный рост.

Пока набиралось давление, я вернулся к Лиде. Она дрожала. Температура поднялась, лицо покрылось потом. Повязка пропиталась кровью, но медленнее. Крюк надо было извлекать.

— Санаторий далеко? — спросила Вера.

— Час, если мебель качественная.

— Она не выдержит час.

— Выдержу, — сказала Лида.

— Почему?

— Функция требуется.

— Организм не знает, — ответил я.

— Организм обучен.

— Кровь не обучена оставаться внутри при дырке.

Я осмотрел вход крюка. Стержень уходил под левую лопатку; по направлению он мог выйти ближе к плечу, но где лежал зубец и что находилось на пути, мы не знали. В нормальных условиях такое железо фиксируют на месте и везут к хирургу. Хирурга, транспорта и безопасного ожидания у нас не было, а каждый толчок вагона двигал крюк в ране. Простое вытягивание назад почти наверняка расширило бы её. Оставался плохой полевой вариант: осторожно провести острие по кратчайшему доступному пути наружу, убрать зубец и извлечь гладкий стержень обратно. Для этого требовались инструмент, непрерывное давление на рану и готовность остановиться при пульсирующем кровотечении или ухудшении дыхания.

Гаврила принёс кузнечные клещи и короткий напильник из кармана.

— Инструменты сбросили, — сказал я.

— Свои не сбрасываю.

— Правильный кузнец.

— Был бы правильный, остался бы с фильтром.

— Почему ушёл?

Он посмотрел на Лиду.

— Жена в вагоне из Крапивно. Я думал, если соглашусь, нас соединят. Нестеров сказал: профиль совпадает. Потом оказалось, она числится пищевым работником, а я ремонтным. Разные участки.

— Поэтому стрелял?

— Поэтому попал плохо.

— Очень ответственная причина.

— Не говорю, что хорошая.

Он подал напильник.

— Держать будете?

— Она не согласилась.

Лида открыла глаза.

— На что?

— Извлечь крюк.

— Подтверждаю медицинское вмешательство.

— Риск кровотечения высокий.

— Функция снижается быстрее.

— Это не ответ человека.

— Другого нет.

Надежда сидела рядом.

— Есть. Больно будет. Хочешь?

Лида посмотрела на неё.

— Обезболивание отсутствует.

— Знаем. Хочешь жить?

Пластина мигнула. Лида стиснула зубы.

— Да.

Одно слово. Без профиля.

— Теперь можно, — сказала Надежда.

Мы уложили Лиду на живот, под грудь и плечо подложили сложенную одежду, чтобы она могла дышать. Гаврила удерживал корпус, не давя на шею. Вера подготовила бинты и чистую ткань. Тая дала Лиде кожаный ремень сжать в руке. Я обработал кожу вокруг предполагаемых точек раны остатком спирта; внутрь спирт не лил.

— Толкаю на счёт три.

— Зачем считать? — спросила Тая.

- Чтобы приготовились.
- Она приготовится на два и дёрнется.
- Тогда без счёта.
- Я надавил.

Лида закричала в ремень. Крюк прошёл ещё два сантиметра, натянул кожу и показался возле плеча. Кровь пошла тёмная. Не фонтаном. Хорошо.

Гаврила ухватил острие клещами. Я пилил напильником. Железо было старое, ржавое и твёрдое. Каждый толчок отдавался в ране. Лида перестала кричать на середине. Я проверил — сознание сохранила.

- Имя, — сказал я.
- Лида.
- Полностью.
- Лида Сергеевна Сомова.
- Где мы?
- У путевой будки.
- Кто держит плечи?
- Гаврила.

Сознание сохранялось. Дочь я не упоминал: память не обезболивает, а чужую биографию не используют как нашатырь.

Напильник перерезал последний слой. Гаврила снял наконечник.

Я вытянул стержень назад.

Лида потеряла сознание.

Вера прижала к обеим ранам чистые тампоны и наложила плотную фиксирующую повязку, не стягивая грудную клетку. Я проверил дыхание и пульс: дыхание сохранялось, пульс был частым и слабым.

- Она нас слышала? — спросила Надежда.
- До последнего ответа — да. Дальше не знаю.
- Надежда взяла окровавленный крюк и бросила на землю.
- Если умрёт?
- Будет наша потеря.
- Вы её запишете?
- Да.
- Это поможет?
- Нет.
- Тогда зачем всё записывать?

Я посмотрел на путевой журнал из будки. Дежурный семьдесят лет назад написал Наташе, что не трус. Мы не знали ни его имени, ни дошла ли Наташа. Но ключ лежал в кармане.

- Иногда запись приходит позже пользы, — сказал я.
- Через сколько?
- Семьдесят лет тоже бывает.

«Клоп» был готов. Полки и стол превратились в пар. Дверь Кочет привязал к борту как запас.

Тая пересчитала людей.

Тридцать три: двадцать девять со станции, четверо наших. Лиду она назвала тридцать четвёртой после короткой паузы.

- Почему отдельно? — спросила Надежда.
- Не отдельно. Последней.
- Разница?
- В следующий раз начну с неё.

Мы распределили остаток еды. В карманах нашлось семь серых пакетов со станции, три куска сухаря, горсть жареного зерна, половина луковицы и одна конфета в бумаге. Конфету держал мальчик, который кашлял после газа. Никто не предложил делить.

Пакеты открыли. В каждом — прессованная каша, сухое мясо и две солевые таблетки.

— Годное? — спросил Гаврила.

Я понюхал.

— Пахнет нормально.

— Вы же говорили, нос — паршивый прибор.

— Учишься.

— Так есть?

— Тая уже ела утром.

— И?

— Пока жива.

— Очень успокоили.

Мы разделили семь пакетов на тридцать четыре части. Получилось по три ложки. Кочет от своей отказался. Я заставил съесть две. Лиде, пока она не пришла в сознание и не могла безопасно глотать, еды и воды в рот не давали; Вера только увлажняла губы чистой тканью.

— Теперь воды ещё меньше, — сказал Гаврила.

— Теперь врач ещё жив, — ответила Надежда.

— Корректор.

— Пока не решила.

Гаврила посмотрел на неё и отдал свою флягу.

Перед отправлением Тая собрала взрослых.

— Состав обходит мост с юга. Если не остановится, у нас три часа. Если высадят погоню — меньше. До санатория едем вместе. Там вода и, возможно, укрытие. После каждый решает маршрут.

— Мы уже решили к Заречью, — сказал мужчина с вывихнутым плечом.

— Тогда после санатория к Заречью.

— Вы поведёте?

— Нет.

— Почему?

— Мы идём к НЗ-1.

— Там они.

— Да.

— Зачем?

— Чтобы их стало меньше здесь.

— Очень понятно.

— Другого объяснения пока нет.

Женщина с двумя детьми спросила:

— А если с вами?

— Нет.

— Вы нас вытащили.

— Из станции. Не из мира.

— Здесь они догонят.

— С нами тоже.

— Зато у вас машина.

Тая посмотрела на «Клоп». Котёл коптил мебелью, вагон утонул, вода кончалась, запас топлива составлял одну дверь.

— Временно, — сказала она.

Люди заговорили одновременно. Кто-то требовал оружие, кто-то проводника, кто-то обещал работать. Тая слушала минуту.

— Решение не меняется.

— Ты кто такая? — спросила женщина.

— Та, кто сейчас ведёт машину.

— Мы тоже её толкали.

— Поэтому до санатория едете.

— А дальше?

— Дальше машина идёт туда, куда вам нельзя.

— Нестеров тоже решает, куда нам нельзя.

Тая замолчала.

Попали точно.

— Да, — сказала она. — Сейчас решаю я.

— И чем отличаешься?

— Можете отказаться и уйти прямо сейчас. Еду не заберу. Воду поделим. Никого не свяжу. Фильтр за вами не уедет, потому что его у меня нет.

Женщина крепче прижала детей.

— Выбор дерьмовый.

— Да.

— Тогда не называй его выбором.

— Хорошо. Возможность отказаться.

Это устроило не всех. Достаточно.

Никто не ушёл.

Мы снова тронулись. В топке горели журналы. Телеграфные столбы остались стоять. За нами они передавали Нестерову путь, впереди — показывали воду.

Плановый отход всегда красиво выглядит на карте. Стрелка от опасности, пункт до следующего рубежа, время прибытия.

На земле это люди, которые спорят, кому достанется три ложки каши, и дверь, которую берегут на последние километры.

Санаторный разъезд появился после полудня.

Когда-то здесь останавливались электрички. От платформы шла аллея к лечебному посёлку в соснах. Сосен не осталось. Их съело не Цветение — люди. Пни торчали ровными рядами. Между ними стояли белые корпуса без крыш.

Над станцией сохранилась надпись:

«ЗДОРОВЬЕ — ОБЩИЙ РЕСУРС».

Кто-то позже дописал углём:

«ПОЭТОМУ ТЕБЕ НЕ ДОСТАЛОСЬ».

— Здесь вода? — спросил Гаврила.

Вера прислушалась.

— Под землёй работает насос.

— Сеть?

— Нет. Механический.

— Кто качает?

— Кто-то живой.

Тая подняла руку.

«Клоп» остановился.

На платформе лежала свежая ветка можжевельника. Не упала — положили поперёк рельса. Под ней белой краской номер:

28.

Вера прыгнула раньше, чем я успел остановить.

— Мария.

Она пошла к аллее.

— Стой, — сказала Тая.

Вера не услышала. Или услышала другой приказ.

Тая догнала и схватила за плечо. Вера развернулась, ударила её в запястье точным коротким движением. Тая отпустила от неожиданности.

— Не мешай, — сказала Вера чужим голосом.

Не Нестерова. Женским, хриплым.

— Кто говорит? — спросил я.

Вера посмотрела на меня. Зелёные кольца заняли почти всю радужку.

— К-28 ждёт приёмку, — ответила она.

Лида на платформе села, несмотря на рану.

— Носитель обнаружен. Корректирующая группа должна быть уведомлена.

Тая ударила её рукоятью ножа по пластине.

Лида потеряла сознание.

— Это медицинский метод? — спросил Кочет.

— Теперь да.

Вера продолжала идти.

Я встал перед ней.

— Имя.

— К-49.

— Нет. Твоё.

— Региональный оператор.

— Ты принесла мне кипяток утром.

— Медицинская функция.

— Перетянула бинт на руке.

— Остановка кровотечения.

— Назвала мою культуру разумной.

Вера моргнула.

— Она и есть разумнее вас.

— Имя.

— Вера.

— Полностью.

— Вера Андреевна Белова.

Зелёные кольца сузились.

Она пошатнулась. Я поймал локтем, не касаясь ладонями.

— Что было?

— Мария позвала.

— Голосом?

— Памятью дороги.

— Очень невежливо.

— Она не умеет иначе.

Из белого корпуса впереди донёлся стук.

Три удара. Пауза. Два.

Снова три. Два.

Код НЗ: сопровождающих двое, допустимая потеря одна — наоборот. Отказ от нормы.

Тая подняла винтовку.

— Все остаются у машины. Кочет — охрана. Гаврила, если она очнётся, держите руки.

— Она врач, — сказал Гаврила.

— Поэтому обе.

— А вы?

— Проверим насос.

— Встроём?

— Встроём.

— Кто решил?

Тая посмотрела на надпись над платформой.

— Общий ресурс.

Мы пошли по аллее.

Стук прекратился.

В дверях санатория висела растяжка из жестяных банок. Тая заметила, переступила и показала мне. Я переступил. Вера задела одну носком.

Банки загремели.

Из окна второго этажа вылетела стрела и вошла в землю между моими ногами.

К древку была привязана бумажная полоска:

«ЛИДУ НЕ ВЕЗИТЕ К СЕТИ. ОНА ПРИВЕДЁТ ОСТАЛЬНЫХ».

Ниже:

«ЕСЛИ ВЫ УЖЕ ПРИВЕЗЛИ — У ВАС ДЕСЯТЬ МИНУТ».

На станции за нашими спинами включился семафор.

Красный.

Потом зелёный.

Из-под повязки Лиды поднялась тонкая белая нить и потянулась вдоль рельса на восток.

К Нестерову.

Глава 5. К-28

Десять минут — достаточный срок.

Можно вскипятить кружку воды. Можно остановить небольшое кровотечение. Можно проститься, если заранее составил список.

Спрятать тридцать четыре человека, паровую машину и одну живую радиостанцию — нельзя.

Мария Кречетова дала нам восемь.

Она появилась в дверях санатория, когда Тая вытащила стрелу из земли. Женщина лет сорока пяти, высокая, очень худая. Волосы обрезаны ножом у подбородка. На ней ватная куртка, армейские брюки и тапочки из серого войлока. В руках — короткий лук из двух пружинных полос.

— Вы опоздали, — сказала она.

Голос совпал с тем, которым Вера говорила у разъезда.

— На две минуты? — спросил я.

— На несколько месяцев.

Мария посмотрела на Веру. Потом на зелёные линии у неё на шее.

— К-49 уже открыта.

— У неё есть имя, — сказал я.

— Пока.

Тая подняла винтовку.

— Где насос?

— В подвале третьего корпуса.

— Где укрытие?

— Под вторым.

— Сколько входов?

— Три. Два завалены.

— Сеть видит?

— Не видела до вашей корректора.

— Как выключить?

— Вырезать пластину или убить носителя.

Мария говорила быстро, без пауз. Не угрожала. Перечисляла варианты.

— Есть третий? — спросил я.

— Есть. Врать ей.

— Лиде?

— Сети.

Она спустилась с крыльца.

— Уводите людей во второй корпус. Машину к водосбору. Топку погасить. Следы на платформе не заматайте — сделайте больше. Пусть решат, что группа ушла пешком на юг.

Тая не двигалась.

— Почему верить?

— Не верьте. Делайте.

За восточным холмом протрубил далёкий гудок.

Мария добавила:

— Теперь семь минут.

Тая повернулась к станции.

— Кочет, люди во второй корпус. Надежда — дети. Гаврила, с ним. Илья — к насосу. Вера остаётся у меня.

— Нет, — сказала Вера.

Тая посмотрела.

— Что?

— Я иду с Ильёй.

— Почему?

— Насос знает меня.

Мария усмехнулась.

— Уже говорит как узел.

Вера шагнула к ней.

— Вы позвали меня.

— Чтобы проверить, насколько далеко слышишь.

— Проверили?

— Слишком далеко.

— Тогда не говорите обо мне в третьем лице.

— Я говорю о К-49.

— Это я.

— В этом и проблема.

— Шесть минут, — сказала Тая. — Ненавидеть друг друга будете под землёй.

Мы побежали.

Тридцать четыре человека не бегут как группа. Они рассыпаются по возможностям: дети быстро, старики упрямо, раненые с чужими руками вместо ног. Надежда собрала детей в середине. Гаврила с Кочетом несли Лиду. Красное пальто мелькало между серыми стенами.

Мария открыла второй корпус ключом, которого у неё не было. Прижала ладонь к ржавой двери. Под кожей запястья вспыхнул номер **28**. Замок щёлкнул.

— Носитель, — сказал Кочет.

— Мы догадались, — ответила Тая.

— Я вслух.

— Поэтому не догадались бы без тебя.

Внутри пахло сыростью и хвоей. Коридор завален штукатуркой. На полу сохранились нарисованные детские следы: красные в процедурную, синие в столовую, зелёные к выходу. Мария повела по зелёным в обратную сторону.

— Почему здесь? — спросил я.

— Санаторий был резервным пунктом реабилитации персонала НЗ-1. Сеть не считает его постоянным укрытием.

— А временным?

— Теперь считает.

Она открыла люк под стойкой регистратуры. Люди спускались в подвал. Тая оставила пятерых взрослых наверху делать ложный след. Они прошли по пыльному коридору, открыли южную дверь, потоптались на дороге и вернулись по камням.

— Машина, — напомнил я.

— Кочет, — сказала Тая.

— Я раненый.

— Поэтому медленно поведёшь.

— Один?

— Гаврила поможет.

Они ушли к «Клопу». Я, Вера и Мария побежали к третьему корпусу за водой. Издалека машина дала короткий свисток. Потом ещё. Котёл шёл на остатке давления.

Третий корпус оказался бывшей грязелечебницей. Внизу — бассейны с чёрной засохшей глиной, трубы и насосная. Латунный ключ из будки подошёл к щиту.

— Дежурный остался на посту, — сказал я.

— Кто? — спросила Мария.

— Не знаю. Оставил ключ семьдесят лет назад.

— Зачем?

— Наташе доказать, что не трус.

— Получилось?

— Вода покажет.

Я повернул ключ. Насос не включился.

— Очень убедительно, — сказала Мария.

Вера приложила ладонь к щиту. Зелёный квадрат загорелся. Где-то глубоко застучал поршень.

Из трубы вырвался воздух, потом бурая вода. Первую минуту шёл песок. Вторую — ржавчина. На третьей вода очистилась.

Я набрал воду в кружку. Индикатор показал кислотность в рабочем диапазоне набора. Пахло железом и сероводородом. Видимой белой культуры не было, но это ничего не доказывало. Первую воду с песком и ржавчиной отвели в сток; остальную решили кипятить, а для питья всё равно оставить пробу на отстой.

— Сеть запишет расход, — сказала Мария.

— Поэтому включили?

— Я думала, вы откроете механически.

— Механика умерла раньше дежурного.

— Выдали позицию ради воды.

— Люди без неё умрут быстрее, чем Нестеров приедет.

— Он использует это.

— Пусть сначала выпьет.

Вера наполняла канистры. Мария следила за её руками.

— Не касайся трубы кожей.

— Почему?

— Контур заведёт тебя в насосный журнал.

— Уже.

Вера закрыла глаза.

— Здесь работал Анатолий Лысенко. В день Цветения ушёл с поста в двенадцать тридцать одну.

Я достал журнал.

— Толя.

— Он дошёл до санатория, — продолжила Вера. — Запустил насос. Потом вернулся за дежурным. Не нашёл. Наташа была медсестрой в первом корпусе. Она умерла у водосбора в три часа семнадцать.

— Откуда?

— Насос записал попадание биомассы в фильтр.

Мария вырвала её руку от щита.

Насос остановился.

— Хватит.

— Канистры не полные, — сказал я.

— Вы не видите?

— Воду вижу.

— Она открывает всё, к чему прикасается. Не только двери. Через два дня не отличит свою память от журнала насоса.

— Отличаю, — сказала Вера.

— Как звали твою мать?
— Антонина Белова.
— Какой у неё был голос?

Вера открыла рот.

Пауза.

— Низкий.
— Это из архива НЗ-4.
— Я помню.
— Что она говорила тебе перед сном?

Вера молчала.

— А дежурный боялся грозы? — спросила Мария.

— Да.
— Какой чай пил?
— Крепкий, в жестяном стакане.
— Видишь?

Вера ударила ладонью по щиту. Насос включился сам.

— Я помню то, что доступно.
— Не значит твоё.
— Моего мало.
— Скоро не будет.
— Зато воды хватит.

Она открыла вентиль полностью. Бурая струя ударила в канистру.

Мария подняла руку, будто собиралась ударить. Я встал между ними.

— Хватит на сегодня, — сказал я. — Воды уже больше, чем у нас тары для безопасного переноса.

— Наконец-то.
— Не радуйтесь. Личность всё равно будем записывать вручную.

Мария опустила руку.

Мы наполнили канистры, вёдра и целые старые грелки из процедурной, не касаясь внутренней поверхности. Вера отключила насос. Квадрат на ладони остался ярким.

Снаружи прогремел гудок.

Ближе.

— Время, — сказала Мария.

Мы спрятали канистры под брезентом в подвале. К «Клопу» не понесли — Кочет уже загнал его в крытый водосбор за третьим корпусом. Дымоход вывели в старую вентиляционную шахту. Дверь от сигнальной будки лежала у топки. Машина стала частью санаторного имущества. Очень нервной частью.

Все спустились в подвал второго корпуса. Мария закрыла люк. В темноте оставили одну лампу, прикрытую жестью.

— Лиду сюда, — сказала она.

Тая перегородила проход.

— Зачем?
— Сигнал заглушить.
— Как?
— Покажу.

— Сначала скажи.

— Переведу пластину в режим местного лечения. Сеть решит, что она осталась в санатории по медицинским причинам, а остальные ушли на юг.

— Почему поверит?

— Потому что это правда наполовину. Сеть любит половины, если нужная стоит первой. Лида лежала на двери, превращённой в носилки. Сознание вернулось. Губы сухие, температура высокая.

— К-28, — сказала она, увидев Марию. — Требуется сопровождение в центральный узел.

— Требовалось, — ответила Мария.

— Процедура не завершена.

— Поэтому сбежала.

— Коррекция необходима для сохранения функции.

— Сохранила без вас.

— Биографический конфликт прогрессирует.

— Это называется я.

Мария присела возле неё и вынула из кармана тонкую иглу с медной проволокой.

— Что вводишь? — спросил я.

— Ничего. Замыкаю приёмник на собственное поле.

— Какое поле?

— К-линии.

— Последствия?

— Для неё — временная потеря связи. Для меня — сеть узнает точную позицию.

— Она и так знает санаторий.

— Не знает, что я здесь. Я закрывала номер.

— После этого?

— Узнает.

— Тогда зачем?

— Чтобы решить, за кем идти сначала.

— За тобой или нами?

— За тремя сразу. На это у Нестерова нет процедуры.

Тая проверила восточную дверь подвала.

— Сколько времени выиграем?

— От часа до шести.

— Точнее.

— Сеть не человек. Думает быстро, ошибается долго.

— Нестеров человек.

— Он исправляет ошибки быстро.

— Тогда час.

Мария ввела иглу рядом с Лидиной пластиной. Провод намотала на собственное запястье. Обе женщины выгнулись.

Под кожей Марии вспыхнул номер 28. У Лиды пластина засветилась белым. Проволока нагрелась докрасна. Запахло горелой кожей.

— Хватит, — сказала Вера.

— Ещё.

— Вы её убиваете.

— Она передаёт.

Вера схватила провод.

Зелёный свет побежал по меди. Лампа в подвале погасла. В темноте три метки — 28, 49 и белый прямоугольник — образовали треугольник.

Лида закричала:

— Медицинский профиль следует южным маршрутом! Носители отсутствуют! Повторяю: носители отсутствуют!

Голос был её. Приказ — Марии.

Потом всё погасло.

Мария упала. Вера осталась сидеть, зажав провод в обожжённых пальцах. Лида потеряла сознание.

На поверхности загудел состав.

Рельсы дрожали. Пыль сыпалась с потолка. Люди в подвале прижимали детей к себе. Никто не говорил.

Локомотив вошёл на разъезд.

Скрежет тормозов. Шаги. Металлический стук по дверям корпусов.

Громкоговоритель:

— Медицинский профиль Лида Сомова. Подтвердить состояние.

Лида лежала без движения.

Мария подняла голову.

— Ответит автоматика.

Из старого репродуктора в коридоре донёлся Лидин голос:

— Состояние стабильно. Преследую группу по южному маршруту.

— Носители?

— Отсутствуют.

Пауза.

— К-28?

— Не обнаружена.

Мария закрыла глаза.

Громкоговоритель молчал почти минуту.

Потом Нестеров сказал:

— Подтвердить код дочери.

Мария открыла глаза.

— Он знает, — прошептала Вера.

Репродуктор повторил Лидиным голосом:

— Запрос не относится к функции.

— Подтвердить код дочери.

Автоматика не отвечала.

Лида на носилках застонала:

— Ольга Сомова. Восемь лет. Красное пальто. Отказ от манной каши.

Голос прозвучал достаточно громко.

Наверху шаги остановились.

— Лида, — сказал Нестеров через репродуктор. — Вы слышите меня?

Она открыла глаза.

— Да.

Мария зажала ей рот, но поздно.

— Местоположение?

Лида попыталась ответить. Надежда накрыла её лицо влажной тканью.

— Дышать оставь, — сказал я.

— Я мать. Знаю.

Нестеров повторил вопрос.

Лида молчала.

На поверхности раздались команды. Шаги разделились. Один отряд пошёл к первому корпусу, другой — к третьему.

Второй оставался над нами.

Тая показала: четверо. По звуку — возможно шесть.

Люк под стойкой регистратуры проверят через минуту.

Мария указала на дальнюю стену подвала. За стеллажом была узкая дверь. Мы отодвинули шкаф. Дверь вела в старый тоннель между корпусами.

— Все туда, — прошептала Тая.

Люди двинулись. Сначала дети. Потом раненые. Снова порядок трубы.

Над люком щёлкнул замок.

— Не успеем, — сказал Гаврила.

Тая дала ему захваченную у охранника винтовку. Свою оставила за спиной.

— Умеешь?

— Я из обреза стрелял.

— Это не ответ.

— Умею плохо.

— Тогда не стреляй до упора.

— А потом?

— Тоже плохо.

Она достала три патрона и положила рядом. Сама взяла нож.

Я и Надежда тащили Лиду. Мария шла сзади, держась за стену. Вера поддерживала её.

— Почему Нестеров знает дочь? — спросила Вера.

— Это контрольный вопрос, — сказала Мария.

— Для чего?

— Когда Лида начинает вспоминать Олю, коррекцию повторяют.

Лида слышала сквозь ткань и забилась. Надежда прижала сильнее.

— Сколько раз? — спросил я.

— Семь.

— Откуда знаешь?

— Я вела архив.

Мы остановились.

— Её архив? — спросил я.

— Всех медицинских профилей.

— Ты работала на Нестерова.

— Да.

Над люком ударили.

— Потом, — сказала Тая.

Мы вошли в тоннель. Гаврила закрыл дверь и подпер шкафом. Тая осталась с ним на несколько секунд. Раздался удар люка, затем выстрел Р-6. Белый газ потянулся под дверь.

Гаврила и Тая побежали следом.

Тоннель вывел в подвал третьего корпуса — к насосной. Там Кочет уже открывал внешний водосброс. За решёткой шёл узкий канал вниз по склону.

— Машина? — спросила Тая.

— В боксе.

— Можем вывести незаметно?

— Нет. Дверь на сторону путей.

— Тогда оставляем.

Кочет посмотрел на меня.

— Мотя убьёт.

— Сначала должен найти.

— Найдёт.

— Тогда оставим записку.

— Он читать не любит.

— Нарисуем.

Мы открыли решётку. За ней вода была по колено и уходила в каменную трубу. Широкою — можно идти согнувшись. Поток холодный, чистый после фильтра.

Люди спускались. Мария пересчитала.

— Тридцать три.

— Тридцать четыре, — сказала Тая. — Лида тоже.

— Я считала с ней.

Тая пересчитала сама.

Тридцать три.

— Ребёнок, — сказала Надежда. — Наста где?

Красного пальто не было.

Её видели в подвале второго корпуса перед отходом. Потом никто.

— Она вернулась за конфетой, — сказал мальчик после Р-6. — Уронила возле носилок.

Тая закрыла глаза на секунду.

— Кочет, ведёшь людей по каналу. До развилки держаться правой стены. Гаврила сзади.

— А вы?

— За ребёнком.

— Они уже внутри.

— Поэтому быстро.

— Я с вами, — сказала Надежда.

— Нет. Ведёшь остальных детей.

— Она была со мной.

— Поэтому ведёшь тех, кто ещё здесь.

Надежда ненавидела приказ. Выполнила.

Я снял Лиду с носилок.

— Куда? — спросила Тая.

— Она не пойдёт по воде.

— Оставить?

— Нестеров заберёт.

— Это её люди.

— После вопроса про дочь — не уверен.

Мария сказала:

— Оставьте. Он её перекорректирует. Она выживет.

— И перестанет помнить имя.

— Зато выживет.

— Ты сама от этого сбежала.

— Поэтому знаю цену.

Мы спорили над раненой женщиной, как будто она уже стала имуществом. Лида смотрела на нас.

— Спросим, — сказал я.

— Она не в состоянии, — ответила Мария.

— Очень знакомая формулировка.

Я снял ткань с Лидиногo рта.

— Нестеров или с нами?

— Центральный узел обеспечивает лечение.

— Нестеров.

— Да.

— После лечения удалят Олю.

Пластина мигнула.

— Информация конфликтующая.

— Останешься?

Лида тяжело дышала.

— Красное пальто, — сказала она. — С вами.

— Это ответ?

— Да.

Тая подняла носилки.

— Берём.

Мария отвернулась.

— Тогда ребёнок умрёт, пока тащите.

— Риск допустим только тому, кто может отказаться, — сказала Тая.

— Она не понимает.

— Поняла красное пальто.

Мы оставили Лиду с Кочетом у решётки. Он обещал ждать три минуты, потом идти за группой. Тая, Вера и я вернулись через тоннель.

Газ в подвале второго корпуса стелился по полу. Мы намочили тряпки и закрыли нос и рот — не защита, только шанс уменьшить прямое попадание капель. Двигались выше слоя, насколько позволял коридор. За дверью слышались голоса корректоров.

— Подвал пуст.

— Тепловой след на юг.

— К-28 обнаружена в насосном контуре.

— Нестеров приказал сохранить всех носителей.

— Медицинский профиль?

— Конфликт подтверждён. Изоляция.

Наста сидела под лестницей. Красное пальто видно было раньше лица. В руках — конфета. Она не плакала. Газ уже действовал: ноги не слушались.

Между нами и лестницей стоял охранник.

Спиной.

Тая показала два пальца, затем на себя. Вера покачала головой и подняла ладонь.

Под кожей вспыхнул зелёный квадрат.

Охранник замер.

— Единица охраны О-6, — сказала Вера тихо. — Проверить южный выход.

Он повернулся.

— Приказ оператора не подтверждён.

— К-49. Подтверждаю.

Белая пластина на его виске мигнула зелёным.

— Выполняю.

Он ушёл к другой двери.

Вера пошатнулась. Из носа потекла кровь.

— Больше не делай, — сказал я.

— Ребёнок.

— Знаю.

Тая подняла Насту. Мы вернулись в тоннель. За спиной охранник остановился: новый приказ Нестерова столкнулся с Вериним. Он закричал, прижал ладони к вискам.

— Что с ним? — спросил я.

— Два оператора, — ответила Вера. — Одна функция.

— Выключи.

— Не умею.

Тая вернулась на два шага и ударила его рукоятью по пластине. Он упал.

— Теперь умеем, — сказала она.

Мы дошли до насосной. Кочета и Лиды не было. На решётке мелом стрелка вправо. Он умудрился не только уйти, но и оставить понятный знак. Болезнь развивала таланты.

В канале вода доходила до бедра. Насту нёс я. Обожжённая рука болела, девочка держалась за шею и всё повторяла:

- Конфета здесь.
- Вижу.
- Я не потеряла.
- Молодец.
- Она моя.
- Никто не делит.
- Там всё делили.
- Здесь тоже. Конфету нет.

Она успокоилась.

Канал вышел за западный склон, в заросший овраг. Люди ждали в двухстах метрах. Кочет стоял у носилок, задыхаясь, но улыбался.

Надежда забрала Насту и сначала обняла, потом дала по затылку.

— За что? — спросила девочка.

— Чтобы отёк проверить.

Кочет посмотрел на Таю.

— Метод распространяется.

Марии не было.

— Где К-28? — спросила Вера.

— Ушла вперёд, — сказал Гаврила. — Сказала проверить дорогу.

Тая осмотрела следы.

— Не вперёд. На север.

— К Нестерову? — спросил я.

— От нас.

Вера закрыла глаза.

— Не слышу.

— Закрылась, — сказала Лида с носилок. — К-28 умеет.

— Почему ушла? — спросила Надежда.

— Мы привели сеть, — ответил я. — Она решила отвести.

— Одна?

— Так потери считать проще.

Тая передала мне Насту и пошла по следу.

— Не догоняй, — сказала Вера.

— Почему?

— Мария знает, что делает.

— Ты знаешь её полчаса.

— Помню несколько месяцев.

— Чужая память.

— Другой нет.

Тая всё равно ушла.

Через пять минут она вернулась одна.

— След оборвался на камне. Дальше два направления. Север и запад.

— Выберем? — спросил Кочет.

— Нет. Сначала уводим людей.

— Куда?

— На юг, как сказала сеть.

— Нестеров ждёт.

— Поэтому до первой развилки. Потом на запад.

Мы шли до темноты.

Без «Клопа» скорость упала втрое. Носилки передавали каждые двести шагов. Лида тяжёлая не потому, что весила шестьдесят два килограмма. Любой человек становится тяжелее, когда его решили не бросать.

Воды было достаточно. Еды — нет. Дети получили остаток пакетов. Взрослые жевали солевые таблетки и делали вид, что это помогает.

К вечеру нашли старый дачный посёлок. Пять домов сохранились, один с печью. Тая разместила людей в трёх, дозоры — на крышах. Следы к посёлку замели ветками, потом топтали ложный маршрут дальше на запад.

Лиду уложили возле печи. Температура держалась. Рана не кровила. Пластина на виске потемнела после Марии, но иногда давала белый импульс.

— Передаёт? — спросил я.

Вера поднесла ладонь, не касаясь.

— Нет. Ищет.

— Что?

— Приказ.

— Пусть отдохнёт.

— Она не умеет без него.

Лида открыла глаза.

— Медицинский осмотр требуется.

— Кому? — спросил я.

— Всем.

— Начни с себя.

— Не могу оценивать собственную функцию.

— Тогда Кочет.

Она подозвала его. Послушала грудь, проверила пульс, попросила вдохнуть. Голос слабый, руки дрожали, но движения оставались точными.

— Отёк уменьшается. Повтор дексаметазона не требуется. Температура тридцать семь и восемь. Наблюдать.

— Спасибо, — сказал Кочет.

Лида замерла.

— За что?

— За осмотр.

— Это функция.

— Всё равно.

Она отвернулась к стене.

Гаврила распределял караулы. Надежда укладывала детей. Тая вернулась с разведки: следов состава нет, но на востоке два раза мигал семафор. Нестеров прочёсывал санаторий.

— Мария знает, куда мы пойдём? — спросила Тая.

— Нет, — ответила Вера.

— Тогда вернётся в санаторий.

— Или к НЗ-1.

— Зачем?

— Она считает себя маяком.

— Она и есть маяк.

— Мы тоже.

Тая посмотрела на меня.

- Вы знали, что она работала с архивами?
- Узнал в тоннеле.
- И не спросили больше?
- Бежали.
- У вас язык работает на ходу.
- Дыхание берегу.
- Она знала Лидину дочь, процедуры, способы обмана сети. Могла отправить сообщение по приказу Нестерова.
- Могла.
- Могла привести нас в санаторий.
- Привела.
- Могла специально отделить от машины.
- Получилось.
- И мы её отпустили.
- Она ушла.
- Это одно и то же, если не остановили.
- Вера сказала:
- Мария не с Нестеровым.
- Откуда знаешь?
- Она боится его.
- Страх не сторона.
- Для меня — да.
- Тая села у окна.
- С этого момента решения о маршруте принимаю я. Вера не касается сети без предупреждения. Илья не обещает никому спасение. Кочет не ходит один. Лиду связываем на ночь.
- Нет, — сказала Надежда.
- Почему?
- Она ранена.
- Она корректор.
- Сейчас врач.
- Когда придёт приказ, снова станет корректором.
- Тогда свяжете.
- Поздно будет.
- Лида протянула руки.
- Свяжите.
- Надежда повернулась к ней.
- Ты хочешь?
- Состояние профиля нестабильно. Риск для группы.
- Опять функция.
- Да.
- А Лида?
- Пауза.
- Тоже.
- Тая связала ей запястья мягким ремнём, оставив место для двух пальцев. Ноги не тронула. Нож и ампулы забрала.
- Если станет плохо, говори.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.